

Р32203

Михаил Пришвин

**ЛЕСНАЯ
КАПЕЛЬ**

Советский писатель 1943

Михаил Пришвин

**Л Е С Н А Я
К А П Е Л Ь**

Советский Писатель

МОСКВА 1943

Художник Л. Литван.

О Т А В Т О Р А

В начале я очень робел записывать впечатления чересчур старательно—из опасения подмены жизни литературой. Страх этот объясняется, конечно, недостаточным опытом. Только мало-помалу потерял я эту робость и стал работать в природе и записывать с таким же деловым вниманием, как делают это живописцы. Последнее мое произведение в этом роде—«Неодетая весна»—написано до того с глазу и на самом месте наблюдения, что записи, на основе которых написано, здесь привести невозможно: это было бы повторением книги.

В «Лесной капели» я собрал записанное мною в последние годы и ненапечатанное. Я дорожу этими записями, потому что они свидетельствуют о пройденной мною школе родственного внимания, сменившей натурализм моей юности. Когда-то я подходил к природе с биологическими науками и заменял в себе свободную жизнь образов цепью причин. Конечно, я и теперь не отказываюсь от любознательности и пользуюсь научными дисциплинами, но теперь это ничуть не мешает свободному течению образов в процессе моего родственного внимания к жизни природы.

Нужно припомнить, сколько усилий было истрачено плохими педагогами, чтобы непосредственную радость восприятия природы заменить схоластикой, живой образ солнца в каждом цветке вытеснить числом тычинок, лепестков, листиков и прилистников. Нужно представить себе, сколько на поле битвы схоластики с живым чувством легло жертв, чтобы понять радость мою при самоосвобождении от этой схоластики. Немало уже написано мною детских рассказов этим простым методом родственного внимания, и я получил немало признаний за эти рассказы как от детей, так и от родителей и от руководителей школ.

Вот с этой стороны простой записи на ходу, мне думается, и должна заинтересовать читателя моя «Лесная капель». Все приведенные здесь записи «сочинялись» прямо на том месте, где заставляла меня мысль.

ФАЦЕЛИЯ
поэма

П У С Т Ы Н Я

В пустыне мысли могут быть только свои, вот почему и боятся пустыни, что боятся остаться наедине с самим собой.

Давным-давно это было, но былъем еще не поросло, и я не дам поростать, пока сам буду жив. В то далекое «чеховское» время мы—два агронома, люди между собой почти незнакомые, ехали в тележке в старый Волоколамский уезд по делам травосеяния. По пути нам было целое поле цветущей синей медоносной травы фацелии. В солнечный день, среди нашей нежной подмосковной природы это яркое поле цветов казалось чудесным явлением. Синие птицы как будто бы из далекой страны прилетели, ночевали тут и оставили после себя это синее поле. Сколько же там, мне думалось, в этой медоносной синей траве теперь гудит насекомых. Но ничего не было слышно из-за тарахтенья тележки по сухой дороге. Очарованный этой силой земли, я забыл о делах травосеяния и, только чтоб послушать гул жизни в цветах, попросил товарища остановить лошадь.

Сколько времени мы стояли, сколько я был там с синими птицами, не могу сказать. Поле-

тав душой вместе с пчелами, я обратился к агроному, чтобы он тронул лошадь, и тут только заметил, что этот тучный человек с круглым заветренным простонародным лицом наблюдал меня и разглядывал с удивлением.

— Зачем мы останавливались?—спросил он.

— Да вот,—ответил я,—пчел мне захотелось послушать.

Агроном тронул лошадь. Теперь я в свою очередь взгляделся в него сбоку и что-то заметил. Еще раз глянул на него, еще, и понял, что этот до крайности практический человек тоже о чем-то задумался, поняв через посредство, быть может, меня роскошную силу цветов этой фацелии.

Его молчанье мне становилось неловким. Я спросил его о чем-то незначительном, лишь бы не молчать, но он на вопрос мой не обратил ни малейшего внимания. Похоже было, что мое какое-то неделовое отношение к природе, быть может, просто даже молодость моя, почти юность, вызвали в нем свое собственное время, когда каждый почти бывает поэтом.

Чтобы окончательно вернуть этого тучного красного человека с широким затылком к действительной жизни, я поставил ему по тому времени очень серьезный практический вопрос:

— По-моему,—сказал я,—без поддержки кооперации наша пропаганда травосеяния—пустая болтовня.

— А была ли у вас,—спросил он,—когда-нибудь своя Фацелия?

— Как так?—изумился я.

— Ну, да,—повторил он,—была ли она?

Я понял и ответил, как подобает мужчине, что, конечно, была, что как же иначе..

— И приходила?—продолжал он свой допрос.

— Да, приходила...

— Куда же делась-то?

Мне стало больно. Я ничего не сказал, но только слегка руками развел, в смысле: нет ее, исчезла. Потом, подумав, сказал о фацелии:

— Как будто ночевали синие птицы и оставили свои синие перья.

Он помолчал, глубоко взгляделся в меня и заключил по-своему:

— Ну, значит больше она уже не придет.

И, оглядев синее поле фацелии, сказал:

— От синей птицы это лежат только синие перышки.

Мне показалось, будто он силился, силился и наконец завалил над моей могилой плиту: я еще ждал до сих пор, а тут как будто навсегда кончилось, и она никогда не придет.

Сам же он вдруг зарыдал. Тогда для меня его широкий затылок, его плутоватые, залитые жиром глазки, его мясистый подбородок исчезли, и стало жаль человека, всего человека в его вспышках жизненной силы. Я хотел сказать ему что-то хорошее, взял вожжи в свои руки, подъехал к воде, намочил платок, освежил его. Вскоре он оправился, вытер глаза, взял вожжи опять в свои руки, и мы поехали по-прежнему.

Через некоторое время я решился опять высказать, как мне казалось тогда, вполне самостоятельную мысль о травосеянии, что без поддержки кооперации мы никогда не убедим крестьян ввести в севооборот клевер.

— А ночки-то были?—спросил он, не обращая никакого внимания на мои деловые слова.

— Конечно, были,—ответил я как настоящий мужчина.

Он опять задумался и—такой мучитель!—опять спросил:

— Что же, одна только ночка была?

Мне надоело, я чуть-чуть рассердился, овладел собой и на вопрос, одна или две, ответил словами Пушкина:

— «Вся жизнь—одна ли, две ли ночи».

СИНИЕ ПЕРЫШКИ

На иных березах, обращенных к солнцу, появились сережки золотые, чудесные, нерукотворные. На других только наклюнулись почки, на третьих раскрылись и уселись, как удивленные всему на свете, маленькие зеленые птички. Там на тонких веточках сидят, вот и там, и там... И все это нам, людям, не просто почки, а мгновенья: пропустим—не вернуться. И только из множества множеств кто-то один счастливец, стоящий на очереди, осмелеет, протянет руку и успеет схватить.

☆

Лимонница, желтая бабочка, сидит на бруснике, сложив крылья в один листик: пока солнце не согреет ее, она не полетит и не может лететь, и вовсе даже не хочет спастись от моих протянутых к ней пальцев.

☆

Черная бабочка с тонкой белой каймой, монашенка, обмерда в холодной росе и, не

дождавшись утреннего луча, отчего-то упала вниз, как железная.

Видел ли кто-нибудь, как умирает лед на лугу в лучах солнца? Вчера еще это был богатый ручей: видно по мусору, оставленному им на лугу. Ночь была теплая, и он успел за ночь унести почти всю свою воду и присоединить ее к большой воде. Последние остатки под утро схватил мороз и сделал из них кружева на лугу. Скоро солнце изорвало все эти кружева, и каждая льдинка отдельно умирала, падая на землю золотыми каплями.

Вчера зацвела черемуха, и весь город тащил себе из лесу ветки с белыми цветами. Я знаю в лесу одно дерево: сколько уж лет оно борется за свою жизнь, старается выше расти, уйти от рук ломающих. И удалось—теперь черемуха стоит вся голая, как пальма, без единого сучка, так что и залезть невозможно, а на самом верху расцвела. Другая же так и не справилась, захирела, и сейчас от нее торчат только палки.

Бывает, человек до последнего доходит в тоске по человеку, а вот жизнь не складывается, случая такого не выходит, чтобы завязались какие-нибудь глубокие личные отношения. При такой основной нехватке нельзя удовлетвориться каким-нибудь занятием, все равно, астрономией или химией, художеством, музыкой: тогда мир разделяется на внутренний и внешний так резко, что... Ну вот как бывало: от бесчеловечья вся сердечная жизнь вкладывалась в какую-нибудь собачонку, и жизнь

этой собачонки становилась фактом безмерно более значительным, чем какое-нибудь величайшее открытие в физике, обещающее в будущем человеку даровой хлеб. Виноват ли отдавший все свое человеческое чувство собаке? Да, виноват. Ведь у меня от синей птицы моей юности—моей Фацелии до сих пор в душе хранятся же синие перышки!

РЕКА ПОД ТУЧАМИ

Ночью мысль какая-то неясная была в душе, я вышел на воздух и мысль свою в реке увидал.

Вчера эта река при открытом небе перекликалась со звездами, со всем миром. Сегодня закрылось небо, и река лежала под тучами, как под одеялом, и больше с миром не перекликалась,—нет! И вот тут-то я узнал в реке свою мысль о себе, что невиновен я тоже, как и река, если не могу перекликаться со всем миром, закрытый от него темными покрывалами моей тоски об утраченной Фацелии. Так я и видел эту реку, что под темными тучами не могла перекликаться со всеми, но все равно, оставалась рекой и сияла во тьме, и бежала. А в темноте под тучами рыба, чуя тепло в природе, плескалась гораздо сильнее и громче вчерашнего, когда звезды сияли и сильно морозило.

РАЗЛУКА

Какое чудесное утро: и роса, и грибы, и птицы... Но только ведь это уже осень. Березки желтеют, трепетная осина шепчет: «Нет опоры в поэзии: роса высохнет, птицы улетят, тугие

грибы все развалятся в прах... Нет опоры...»
И так надо мне эту разлуку принять и куда-то лететь вместе с листьями.

ТЯГА

Все было прекрасно на этой тяге, но вальдшнеп не прилетел. Я погрузился в свои воспоминания: сейчас вот вальдшнеп не прилетел, а в далеком прошлом—она не пришла. Она любила меня, но ей казалось этого недостаточно, чтобы ответить вполне моему сильному чувству. И она не пришла. И так я ушел с этой «тяги» своей и больше не встречал ее никогда.

Такой сейчас чудесный вечер, птицы поют, все есть, но вальдшнеп не прилетел. Столкнулись две струйки в ручье, послышался всплеск и ничего: попрежнему вода мягко катится по весеннему лугу.

А после оказалось, раздумывал я: из этого, что она не пришла, сложилось счастье моей жизни. Вышло так, что образ ее мало-по-малу с годами исчезал, а чувство оставалось и жило в вечных поисках образа и не находило его, обращаясь с родственным вниманием к явлениям жизни всей нашей земли, всего мира. Так на место одного лица стало все как лицо, и я любовался всю жизнь свою чертами этого необъятного лица, каждую весну что-то прибавлял к своим наблюдениям. Я был счастлив, и единственно чего мне еще нехватало, это, чтобы счастливы, как я, были все.

Так вот оно чем объясняется, что моя литература остается жить: потому что это моя соб-

ственная жизнь. И всякий, кажется мне, мог бы, как я: попробуй-ка, забудь свои неудачи в любви и перенеси свое чувство в слово. и у тебя будут непременно читатели.

И я думаю теперь, что счастье вовсе не зависит от того, пришла она или не пришла, счастье зависит лишь от любви, была она или не была, самая любовь есть счастье, и эту любовь нельзя отделять от «таланта».

Так я думал, пока не стемнело, и я вдруг понял, что больше вальдшнеп не прилетит. Тогда резкая боль пронзила меня, и я прошептал про себя: «Охотник, охотник, отчего ты тогда ее не удержал!»

АРИШИН ВОПРОС

Когда эта женщина ушла от меня, Ариша спросила:

— А кто у ней муж?

— Не знаю,—сказал я,—не спрашивал. И не все ли нам-то равно, кто у ней муж.

— Как же так «все равно»,—сказала Ариша,—сколько сидели с ней, разговаривали, и не знаете, кто у ней муж, я бы спросила.

В следующий раз, когда она пришла ко мне, вспомнился Аришин вопрос, но я опять не спросил, кто у ней муж. Я потому не спросил, что она мне чем-то понравилась, и догадываюсь, именно тем, что глаза ее напомнили мне возлюбленную моей юности чудесную Фацелию. То или другое, но она мне нравилась именно тем же, чем некогда и Фацелия: она не возбуждала во мне помыслов о сближении, напротив, этот мой интерес к ней отталкивал всякое

бытовое внимание. Никакого дела мне теперь не было до ее мужа, семьи, дома.

Когда она собралась уходить, мне вздумалось, после трудной работы, подышать воздухом, быть может, и проводить ее до дому. Мы вышли, было морозно. Черная река зябла, и струйки пара перебегали всюду, и от ледяных заберегов слышался шорох. Такая была страшная вода, бездна такая, что казалось, и самый несчастный, кто решился бы утонуть, взглянув в эту черную бездну, вернулся к себе домой радостный и прошептал, разводя самовар:

— Вздор-то какой—топиться! Там же еще хуже нашего. Тут-то я хоть чаю попью.

— А у вас есть чувство природы?—спросил я свою новую Фацелию.

— А что это?—спросила она в свою очередь.

Она была образованная женщина и сотни раз читала и слышала о чувстве природы. Но вопрос ее был такой простой, искренний. Не оставалось никакого сомнения: она действительно не знала, что такое чувство природы.

«И как она могла знать,—подумалось мне,—если она-то, может быть, эта моя Фацелия, и есть сама «природа».

Эта мысль поразила меня.

Еще раз захотелось мне с этим новым пониманием заглянуть в милые глаза и через них внутрь той самой моей «природы», желанной и вечно девственной и вечно рождающей.

Но было совсем темно, и взлет моего большого чувства попал в темноту и вернулся назад. Какая-то вторая моя натура вновь поставила этот Аришин вопрос.

В это время мы проходили по большому

чугунному мосту, и, как только я открыл рот, чтобы задать своей чудесной Фацелии Аришин вопрос, сзади себя я услышал чугунные шаги. Я не хотел обернуться и посмотреть, какой великан шел по чугунному мосту. Я знал, кто он был: он был командор, карающая сила за бесплодность мечты моей юности, поэтической мечты, вновь подменяющей мне подлинную любовь человеческую.

И когда я поровнялся с ним, он только тронул меня, и я полетел через барьер в черную бездну.

Я очнулся в постели и подумал: «Не так-то уж глуп, как я думал, этот бытовой Аришин вопрос: если бы я в юности своей не подменил любовь свою мечтою, я не потерял бы свою Фацелию, и сейчас через много лет не приснилась бы черная бездна».

БЕЗДНА

Если кто скажет, что бездна тянет его в нее броситься, то это значит: он, сильный, стоит у края ее и удерживается. Слабого бездна не тянет и отбрасывает на покойные безопасные берега.

Бездна—испытание силы всему живому, той силы, которую нельзя ничем заменить.

Р О С С Т А Н Ь

Стоит столб, и от него идут три дороги; по одной, по другой, по третьей итти—езде беда разная, но погибель одна. К счастью, иду я не в ту сторону, где дороги расходятся, а оттуда назад,—для меня погубительные дороги у столба не расходятся, а сходятся. Я рад столбу и верной единой дорогой возвращаюсь к себе домой, вспоминая у росстаня свой бедствия.

КАПЛЯ И КАМЕНЬ

Камень крепкий под окном, но солнце пригревает, с крыш свесились сосульки—началась капля. «Я! я! я!»—звонит каждая капля, умирая; жизнь ее—доля секунды. «Я!»—боль о бессилии.

Но вот во льду уже ямка, промоина, он тает, его уже нет, а с крыши все еще звонит светлая капля.

Капля, падая на камень, четко выговаривает: «Я!» Камень, большой и крепкий, ему, может быть, еще тысячу лет здесь лежать, а капля живет одно мгновенье, и это мгновенье—боль бессилия. И все же: «капля долбит камень», многие «я» сливаются в «мы», такое могучее, что не только продолбит камень, а иной раз и унесет его в бурном потоке.

ГРАММОФОН

До того тяжела была утрата друга, что о внутреннем моем страданьи стали замечать и посторонние. Жена моего хозяина это заметила и потихоньку спросила меня, чем это я так расстроен. Я встретил первого человека, проявившего живое участие, и все ей рассказал о Фацелии.

— Ну, я вас сейчас вылечу,—сказала хозяйка и велела мне отнести в сад ее граммофон. Там было много цветущей сирени. Еще там была посеяна фацелия, и ярко синяя цветущая поляна вся гудела пчелами. Хорошая женщина принесла пластинку, завела, и в граммофон знаменитый в то время певец Собинов запел арию Ленского. Хозяйка восхищенно смотрела на меня, готовая помочь мне всем, чем могла. Каждое слово певца процветало любовью, пропитывалось медом фацелии, веяло ароматом сирени.

С тех пор прошло множество лет. И когда мне случается слышать где-нибудь арию Ленского, то все непременно возвращается: пчелы, синяя фацелия, сирень и моя хорошая хозяйка. Тогда я не понял, но теперь знаю, что она действительно вылечила меня от безысходной тоски, и когда все вокруг меня начинают с превращением говорить о мещанстве граммофона— я молчу.

АППЕТИТ К ЖИЗНИ

Приходил расстроенный человек, назвался «читателем» и просил у меня такого слова, которое могло бы ему спасти жизнь.

— Вы же, — говорит он, — слову служите, и видно по вашим писаниям, что слово такое знаете. Скажите мне такое слово.

Я сказал, что таких слов про себя для особого случая не держу, если бы знал их, то сказал.

Никаких оговорок слышать он не хотел: вынь да положь. До того расстроен, что плакал. И когда уходил и в передней увидал свой узелок с сапогами, еще больше заплакал. Он объяснил, что, надевая дома валенки, вспомнил, — возможна оттепель, и захватил сапоги.

— Значит же, — сказал он, — сохраняется во мне такой аппетит к жизни, что подумал о возможности весенней оттепели.

Когда он это сказал, я вдруг вспомнил, как я сам свою беду-утрату погасил некогда подобным ожиданием весны, сколько из этого родилось потом у меня слов утешения, и мне стало радостно на душе: я знаю слова утешения и написал их, но только читатель попался мне плохой.

И тогда я вспомнил кое-что и неизвестному человеку сказал как сумел.

ГЕТЕ ОШИБСЯ

Первый раз обратил внимание, что иволги поют на разные лады, и вспомнил мысль Гете о том, что природа создает безличное, а только человек личен. Нет, я думаю, что только человек способен создавать наряду с духовными ценностями совершенно безликие механизмы, а в природе именно все лично, вплоть до самых законов природы: даже и эти законы изменяются в живой природе. Так не все верно говорил даже и Гете.

БРАЧНЫЙ ДЕНЬ

Тихое солнечное утро. Предраассветный мороз все прибрал, подсушил, где причесал, где подстриг, но солнце очень скоро расстроило все его утреннее дело, все пустило в ход, и на припеке острия зеленой травы начали отделять свои пузырьки.

Не знаю и не хочу знать, как называется то дерево, на котором я увидел родные хохлатые почки, но в этот миг все пережитые мною весны стали мне, как одна весна, одно чувство, и вся природа явилась мне, как брачный сон наяву.

Ранняя весна возвращает меня к тому дню, от которого начинаются все мои сны. Мне долго казалось, что это острое чувство природы мне осталось от первой встречи себя, как ребенка, с природой. Но теперь я хорошо понимаю, что само чувство природы начинается от встречи моей с человеком.

Это началось в далекой молодости, когда я был на чужбине, когда впервые мелькнуло, что, может быть, необходимо расстаться с этой любовью к Фацелии, и когда на этой стороне стало так больно, что пальцем потрогай по телу и душа отзывается, то на другой стороне, взамен, встал великий мир моей радости. Казалось так легко заменить свою боль от утраты Фацелии причастностью к благословенному человеческому труду, в котором живет красота и радость. Тогда я и вспомнил и узнал себя ребенком в природе. На чужбине родина моя показалась во всей своей пленительной силе, и вот, когда встала ярко первая встреча с природой, и родной человек в родной стороне показался прекрасным.

МЫШЬ

Мышь в половодье плыла долго по воде в поисках земли. Измученная, наконец-то увидела торчащий из-под воды куст и забралась на его вершину. До сих пор мышь эта жила, как все мыши, смотрела на них, все делала, как они, и жила. А вот теперь сама подумай, как жить. И на вечерней заре солнечный луч красный так странно осветил лобик мышиный, как лоб человеческий, и эти обыкновенные мышиные глазки-бусинки черные вспыхнули красным огнем, и в них вспыхнул смысл всеми покинутой мыши, той особенной, которая единственный раз пришла в мир, и если не найдет средства спасенья, то навсегда уйдет; и бесчисленные поколения новых мышей никогда больше не породят точно такую же мышь.

Со мной в юности было, как с этим мышонком: не вода, а любовь, тоже стихия, охватила меня. Я потерял тогда свою Фацелию, но в беде своей что-то понял, и когда спала любовная стихия, пришел к людям, как к спасительному берегу, со своим словом о любви.

БЕРЕЗЫ

Сквозь прелые листья и соломины пробивается зелень, лист жил, трава жила, и теперь, пожив хорошо, как удобрение, переходят в новую зеленую жизнь. Страшно представить себя вместе с ними: понять ценность свою в таком обращении природы. Стоит мне что-нибудь выбрать, облюбовать, будь это лист, трава или вот эти две небольшие сестры

березки, как все, избранное мною, так же как и я сам, не совпадает в моем представлении с удобрительной ценностью их предшественников.

Избранные мною сестры-березки небольшие еще, в рост человека, они растут рядом, как одно дерево. Пока не распустились еще листья и надутые почки, как бусинки, на фоне неба видна вся тончайшая сеть веточек этих двух сплетенных берез. Несколько лет подряд во время движения березового сока я люблю эту изящную сеть живых веточек, замечая, сколько прибавилось новых, вникаю в историю жизни сложнейшего существа дерева, похожего на целое государство, объединенное одной державой ствола. Много чудесного вижу я в этих березах и часто думаю о дереве, существующем независимо от меня и даже расширяющем мою собственную душу при сближении.

Сегодня вечер холодный, и я немного расстроен. Мне сегодня мои прежние догадки о «душе» березы представляются эстетическим бредом: это я, лично я, поэтизирую березки и открываю в них душу. На самом же деле нет ничего...

И вдруг при совершенно безоблачном небе на лицо мое сверху капнуло. Я подумал о пролетевшей птице какой-нибудь, поднял голову вверх: птицы нигде не было, а на лицо с безоблачного неба снова капнуло. Тогда я увидел, что на березе, под которой стоял я, высоко надо мною был поломан сучок и в него капал на меня березовый сок.

Тогда я, опять оживленный, вернулся мыслью к моим березкам, вспоминая друга, который

в своей возлюбленной видел Мадонну; когда же с ней ближе сошелся, разочаровался и назвал свое чувство абстракцией половой любви. Много раз по-разному я думал об этом, и теперь березовый сок дал новое направление мысли о друге и его Мадонне.

«Бывает,—думал я,—человек не как мой друг поступает, бывает, человек, как я сам, вовсе не расстаётся со своей Фацелией и носит ее в себе, делая что-нибудь вместе со всеми, а любовь скрывая от всех. Но ведь где любовь, там и «душа»; и у возлюбленной и у березы».

И опять в этот вечер, под влиянием дождя березового сока, я видел, что у моих двух сестер-березок есть своя «душа».

ОСЕННИЕ ЛИСТИКИ

Перед самым восходом солнца на поляну ложится первый мороз. Притаиться, подождать у края,—что там только делается, на лесной поляне! В полумраке рассвета приходят невидимые лесные существа и потом начинают по всей поляне расстилать белые холсты. Первые же лучи солнца убирают холсты, и остается на белом зеленое место. Мало-по-малу белое все исчезает, и только в тени деревьев и кочек долго еще сохраняются беленькие клинушки.

На голубом небе между золотыми деревьями не поймешь, что творится. Уносит ветер листья или стайками собрались мелкие птички и несутся в теплые далекие края.

Ветер—заботливый хозяин. За лето везде побывает, и у него даже в самых густых местах

не остается ни одного незнакомого листика. А вот осень пришла—и заботливый хозяин убирает свой урожай.

Листья, падая, шепчутся, прощаясь навек. У них ведь так всегда: раз ты оторвался от родимого царства, то и прощайся, погиб.

Я вспомнил опять Фацелию, и в осенний день сердце мое, как весной, наполнилось радостью, мне почудилось: я оторвался от нее, как лист, но я не лист, я человек. Может быть, для меня так и надо было: с этого отрыва, от этой утраты ее, может быть, началась моя настоящая близость со всем человеческим миром.

ДЕРЕВЬЯ В ПЛЕНУ

Дерево верхней своей мутовкой, как ладонью, забирало падающий снег, и такой от этого вырос ком, что вершина березы стала гнуться. И случилось, в оттепель падал опять снег и прилипал к тому кому, и ветка верхняя с комом согнула аркой все дерево, пока наконец вершина с тем огромным комом не погрузилась в снег на земле и этим не была закреплена до самой весны. Под этой аркой всю зиму проходили звери и люди изредка на лыжах. Рядом гордые ели смотрели сверху на согнутую березу, как смотрят люди, рожденные повелевать, на своих подчиненных.

Весной береза возвратилась к тем елям, и если бы в эту особенно снежную зиму она не согнулась, то потом и зимой и летом она оставалась бы среди елей, но раз уж согнулась, то теперь при самом малом снеге она наклонялась и в конце концов непре-

менно каждый год аркой склонялась над тропинкой.

Страшно бывает в снежную зиму войти в молодой лес: да ведь и невозможно войти. Там, где летом шел по широкой дорожке, теперь через эту дорожку лежат согнутые деревья, и так низко, что только зайцу под ними и пробежать. Но я знаю одно простое волшебное средство, чтобы идти по такой дорожке, самому не сгибая спины. Я выламываю себе хорошую увесистую палочку, и стоит мне только этой палочкой хорошенько стукнуть по склоненному дереву, как снег валится вниз со всеми своими фигурами, дерево прыгает вверх и уступает дорогу. Медленно так я иду и волшебными ударами освобождаю множество деревьев.

ЖИВОЙ ДЫМОК

Вспомнилось, как вчера ночью в Москве я проснулся и по дыму в окне узнал время: был предрассветный час. Где-то из какого-то дома из чьей-то трубы выходил дымок, едва различимый в темноте и прямой, как колонна, дрожащая в мареве. И никого живого не было, только этот живой дымок был, и сердце мое живое волновалось, как этот дымок, и вся душа была вверх в полнейшей тишине. Так некоторое время, припав лбом к стеклу, я и побыл наедине с дымом в этот предрассветный час.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Время, когда березки последнее свое золото ссыпают на ели и на уснувшие муравейники. Я

замечаю даже блеск хвоинок на тропе в лучах заходящего солнца и все иду, любуясь, иду без конца по лесной тропе, и лес мне становится таким же, как море, и опушка его, как берег на море, а полянка в лесу, как остров. На этом острове стоит тесно несколько елок, под ними я сел отдохнуть. У этих елок, оказывается, вся жизнь вверх. Там, в богатстве шишек, хозяйствует белка, клесты и наверное еще много неизвестных мне существ. Внизу же под елями, как на черном ходу, все мрачно, и только смотришь, как летит шелуха.

Если пользоваться умным вниманием к жизни и питать сочувствие ко всякой твари, можно и здесь читать увлекательную книгу: вот хотя бы об этих семечках елей, падающих вниз при шелушении шишек клестами и белками. Когда-то одно такое семечко упало под березой между ее обнаженными корнями. Елка, прикрытая от ожогов солнца и морозов березой, стала расти, продвигаясь между наружными корнями березы вниз, встретила там новые корни березы, и своих корней елке некуда девать. Тогда она подняла свои корешки поверх березовых, обогнула их и на той стороне впустила в землю. Теперь эта ель обогнала березу и стоит рядом с ней со сплетенными корнями.

ДВИЖЕНЬЕ

Цветущий луг возле бочага. Я прислонил велосипед к дереву, а сам сел на бревно, мне захотелось после движенья собраться с мыслями. Движенье так выводит из себя, что не скоро

и соберешься. Не в том состоит победа над машиной, что научаешься баранкой вертеть, а в том, что при всяком движении сохраняешь свою внутреннюю тишину. Ведь, чем тише сам, тем больше замечаешь и ценишь движение жизни.

БОЛЬШАЯ ВОДА

Сказано у Гете недвусмысленно, что, созерцая природу, человек все лучшее, о чем он говорит, берет из себя. Но почему же, бывает, подойдешь к большой воде с такой мелкой душонкой, раздробленной еще больше какой-нибудь домашней ссорой, а взглянул на большую воду—и душа стала большой, и все простил великодушно?

ЗАМЕТКА НА СТАРОСТЬ

Начиная с момента нашей посадки в Вежах на лодку и кончая приездом в Загорск, не было ни одного даже малейшего столкновения с людьми, и поездка прошла без сучка, без задоринки. К старости надо твердо помнить, что всякая ссора со своими людьми, всякий «выход из себя» стоит чего-то себе, что это самое бесполезное расходование самого себя, и этого надо бояться больше всего на свете: работа над этим есть что-то вроде необходимости перехода к растительной пище.

ПАСТУШЬЯ СВИРЕЛЬ

Дни переходят в очень жаркие, но росы еще сильные, прохладные. Скотину стали выгонять

рано и в полдень пригонять, спасти от слепней. Пастушья свирель имеет способность проникать в каждый дом и достигать каждой спящей души.

Сегодня мелодия проникла в меня, и я допустил для себя возможность удовлетворения жизнью совершенно простой, в которой настоящее добро выходило бы без всяких усилий, а прямо как неперемное следствие жизни, которую ведешь для себя. А мое общение с человеком происходило бы в силу того, что хочется с человеком поговорить, хочется обласкать детей. Никаких подходов и загадов, все само собой должно выходить: внимания ждет человек, а не денег.

БЕДНАЯ МЫСЛЬ

Внезапно стало теплеть. Петя занялся рыбой, поставил в торфяном пруду сети на карасей и заметил место: против сети на берегу стояло около десяти маленьких, в рост человека, березок. Солнце садилось пухлое. Лег спать: рев лягушек, соловьи и все, что дает бурная «тропическая ночь».

Только бывает так, что, когда совсем хорошо, бедному человеку в голову приходит бедная мысль и не дает возможности воспользоваться счастьем тропической ночи. Пете пришло в голову, что кто-то, как в прошлом году, подсмотрел за ним и украл его сети. На рассвете он бежит к тому месту и действительно видит: там люди стоят на том самом месте, где он поставил сети. В злобе, готовый биться за сети с десятком людей, он бежит туда

и вдруг останавливается и улыбается: это не люди—это за ночь те десять березок оделись и будто люди стоят.

ПОЮЩИЕ ДВЕРИ

Глядя на ульи с пчелами, летающими туда и сюда в солнечном свете: туда легкими, сюда обремененными цветочной пылью, — легко представляешь себе мир людей и вещей согласованных, вещей, обжитых до того, что они, как двери в «Старосветских помещиках», поют.

На пасеке я всегда вспоминаю старосветских помещиков, как они были для Гоголя: в смешных старичках с их поющими дверями Гоголю чудилась возможность гармонической и совершенной любви людей на земле.

CIRCULUS VITIOSUS

Когда-то я дивился, как не стыдно жить лысым, откуда берут они охоту и на что рассчитывают, расправляя нижние последние длинные волосы по всей лысине, примазывая их чем-то даже довольно прочно. Лысые пузатые люди во фраках, старые девы с желтыми щеками, в бриллиантах и бархате. Как не стыдно всем им показываться при белом свете и рядиться в богатые одежды? Прошло два, три десятка лет, и мне пришлось зачесывать волосы свои наперед, и кто-то открыл однажды их и сказал: зачем вы закрываете, у вас такой правильный лоб, превосходная лысина. И вот я мало-помалу совершенно примирился с лысиной. Я

со всеми примирился недостатками... Примирился даже с утратой своей юношеской Фацелии. Лысые, пузатые, желтые, больные не беспокоят моего воображения, и только не могу еще перешагнуть через бездарных. Но думаю, что и талант тоже, как лысина: может талант пройти, писать не захочется и с этим тоже помиришься. Ведь не ты же сам создал свой талант, у тебя это выросло, как густые волосы, и он тоже, если так оставить, вылезет как волосы: писатель «испишется». Не в таланте дело, а в том, кто управляет талантом. Вот уж этого утратить нельзя, эта утрата незаменима: это уж не лысина, не брюхо, это я сам. И пока «я сам» существует, нечего плакать об утраченном: ведь говорят—«снявши голову, по волосам не плачут», значит, можно сказать и так: «была бы голова, а волосы вырастут».

РАССТАВАНИЕ И ВСТРЕЧА

Наблюдал я с восхищением начало потока. На одном холме стояло дерево—очень высокая елка. Капли дождя собирались с ветвей на ствол, укрупнялись, перескакивали на изгибах ствола и часто погасали в густых светлозеленых лишайниках, одевающих ствол. В самом низу дерево было изогнуто, и капли из-под лишайников тут брали прямую линию вниз в спокойную лужу с пузырями. Кроме этого, и прямо с веток падали разные капли, по-разному звучали.

На моих глазах маленькое озеро под деревом прорвало, поток под снегом понесся к дороге,

ставшей теперь плотиной. Новорожденный поток был такой силы, что дорогу-плотину провало, и вода помчалась вниз по сорочьему царству к речке. Ольшаник у берега речки был затоплен, с каждой ветки в заводь падали капли и давали множество пузырей. И все эти пузыри, медленно двигаясь по заводи к потоку, вдруг там срывались и неслись по реке вместе с пеной.

В тумане то и дело показывались, пролетая, какие-то птички, но я не мог определить, какие это. Птички на лету пищали, но за гулом реки я не мог понять их писка. Они садились вдали на группу стоявших возле реки деревьев. Туда я направился узнать, какие это к нам гости так рано пожаловали из теплых краев.

Под гул потока и музыку звонких капель я, как бывает это и при настоящей человеческой музыке, завертелся мыслью о себе, вокруг своего больного места, которое столько лет не может зажить... Это верченье мало-по-малу привело меня к отчетливой мысли о начале человека: что это еще не человек, когда он; отдаваясь влечению к счастью, живет вместе с этими потоками, пузырями, птицами. Человек начинается в тот момент, когда он со всем этим расстается: тут первая ступень сознания. Так со ступеньки на ступеньку я начал, забывая все, восходить через боль свою к отвлеченному человеку.

Я очнулся, услышав песнь зяблика. Ушам своим не поверил, но скоро понял, что те птички; летевшие из тумана, те ранние гости—были все зяблики. Тысячи зябликов все летели, все

пели, садились на деревья и во множестве рассыпались по зяби, и я в первый раз понял; что слово «зяблик» происходит от «зяби». Но самое главное при встрече с этими желанными птичками был страх,—что, будь их поменьше; я, думая о себе, очень возможно, и вовсе бы их пропустил.

Так вот,—раздумывал я,—сегодня я пропущу зябликов, а завтра пропущу хорошего живого человека, и он погибнет без моего внимания. Я понял, что в этой моей отвлеченности было начало какого-то основного большого заблуждения.

ДОЧЬ ФАЦЕЛИИ

Я потерял ее вовсе из виду, и с тех пор много лет прошло. Я до того утратил ее черты, что не мог бы по лицу узнать ее. И только вот одни глаза, похожие на две северные звездочки, это я бы, конечно, узнал.

И случилось однажды, я зашел в комиссионный магазин купить себе одну вещь. Мне удалось эту вещь найти и купить. С чеком в руке я стал в очередь. Рядом же была очередь вторая, из тех, у кого были только крупные деньги: в кассе не было разменных денег. Одна молодая женщина из той очереди попросила у меня разменять пять рублей: ей нужно было всего только лишь два рубля. У меня было мелких только два рубля, и я охотно предложил взять от меня эти два рубля...

Вероятно, она не поняла меня, что я желаю просто отдать ей, подарить деньги. А может быть, она была такая милая, что победила

в себе чувство ложного стыда и хотела стать выше условных мелочей. К сожалению, протягивая деньги, я взглянул на нее и вдруг узнал те самые глаза, те самые две северные звездочки, как у Фацелии. В одно мгновение это я успел через глаза заглянуть внутрь ее души и мне успело мелькнуть, что, может быть, это дочь «ее»...

Но денег от меня после такого заглядывания взять оказалось невозможным. А может быть, она только тут успела сообразить, что деньги я хочу ей, незнакомой, подарить.

Подумаешь, деньги-то какие, всего два рубля! Я протянул руку с деньгами.

— Нет!—сказала она,—так взять я от вас не могу.

А я-то в ту минуту, узнавая те глаза, готов был отдать ей все, что у меня было, я готов был по одному ее слову побежать куда-то и принести ей еще и еще...

Умоляющим взглядом, как нищий из нищих, я поглядел и попросил:

— Возьмите же...

— Нет!—повторила она.

И когда у меня сделался вид совершенно несчастного, брошенного, измученного бездомьем человека, она что-то вдруг поняла, улыбнулась тою самой прежней своей улыбкой Фацелии и сказала:

— Мы сделаем так: вы у меня возьмете пять рублей и мне дадите два. Хотите?

С восторгом я взял у нее пять рублей и видел, что восторг мой она хорошо поняла и оценила.

СТАРАЯ ЛИПА

Думал о старой липе с такой морщинистой корой. Сколько времени она утешала старого хозяина и утешает меня, вовсе и не думая ничего о нас. Я смотрю на ее бескорыстное служение людям, и у меня, как душистый липовый цвет, распускается надежда: может, когда-нибудь и я вместе с ней процвету.

Р А Д О С Т Ь

Горе, скопляясь в одной душе больше и больше, может в какой-то прекрасный день вспыхнуть, как сено, и все сгореть огнем необычайной радости.

ПОБЕДА

Друг мой, ни на севере, ни на юге нет тебе места, если сам поражен: вся природа побежденному человеку—поле, где была проиграна битва. Но если победа,—а ведь всякая победа—это победа над самим собой,—если даже дикие болота одни были свидетелем твоей победы, то и они процветут необычайной красотой, и весна останется тебе навсегда одна весна, слава победе.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

Быть может, эта весна моя последняя. Да, конечно, каждый молодой и старый, встречая весну, должен думать, что, может быть, это его последняя весна, и больше он к ней никогда не вернется. От этой мысли радость весны усиливается в сто тысяч раз, и каждая мелочь,

зяблик какой-нибудь, даже слово, откуда-то прилетевшее, являются со своими собственными лицами, со своим особенным заявлением на право существования и участия и для них тоже в последней весне.

БЛИЗКАЯ РАЗЛУКА

Осенью, конечно, все шепчет кругом о близкой разлуке, в радостный солнечный день к этому шопоту присоединяется задорное: хоть один, да мой! И я думаю, что, может быть, и вся наша жизнь проходит, как день, и вся мудрость жизненная сводится к тому же самому: одна только жизнь, единственная, как осенью единственный солнечный день, один день, а мой!

КУКУШКА

Кукушка во время моего отдыха на поваленной березе, не заметив меня, села где-то почти рядом и с каким-то придыханием, вроде того, как если бы нам сказать:—а ну-ка, попробую, что будет?—кукукнула.

— Раз!—сказал я, по старой привычке загадывая, сколько лет еще остается мне жить.

— Два!

И только она выговорила свое «ку» из третьего раза, и только собрался я сказать свое «три»...

— Кук!—выговорила она и улетела.

Свое три я так и не сказал. Маловато вышло мне жить, но это не обидно, я достаточно жил, а вот обидно, что если эти два с чем-то года будешь все собираться для какого-нибудь боль-

шущего дела, и вот соберешься, начнешь, а там вдруг «кук!»... Все кончится!

Так стоит ли собираться?

«Не стоит!»—подумал я.

Но, встав, бросил последний взгляд на березу—и сразу все расцвело в душе моей: эта чудесная упавшая береза для последней своей, для одной только нынешней весны раскрывает смолистые почки.

УЛЫБКА ЗЕМЛИ

В больших горах, как на Кавказе, всюду остались следы титанической борьбы и событий в жизни земной коры, похожие на страдания и гримасы ужаса на лице человеческого. Там прямо на глазах вода разрезает горы и падают камни, и рассыпаются мало-по-малу. Может быть, когда-то у и нас в Московской области тоже была такая борьба, только давно это прошло, и вода до того умерила стихии, что как будто здесь наконец-то земля улыбнулась зелеными лесистыми холмами.

Бродишь глазами по этим милым холмам и, вспоминая свое прошлое, иной раз подумаешь: «Нет, не хочу опять повторять, не хочу опять быть молодым!» И улыбнешься вместе с землей и чему-то обрадуешься.

СОЛНЦЕ В ЛЕСУ

Такой лес, что солнце не сразу и увидишь, только по огненным пятнам и стрелам догадаешься, что вон там оно спряталось за большим деревом и бросает оттуда в темный лес свои ранние утренние косые лучи...

С поляны сияющей входишь в темный лес, как в пещеру, но когда осмотришься,—до чего хорошо! Невозможно сказать, до чего прекрасно бывает в темном лесу в яркий солнечный день. Никто, я думаю, не удержится, чтобы не дать полную свободу своей привязанной разными злобами мысли. Тогда обрадованная мысль летает от одного солнечного пятна к другому, вдруг обнимет по пути на солнечной поляне елочку, стройную, как башенка, соблазнится, как девочка, ничего не понимающая, белизной березки, спрячет в ее зеленых кудрях вспыхнувшее личико и помчится, вспыхивая в лучах, от поляны к поляне.

СТАРЫЙ СКВОРЕЦ

Скворцы вывелись и улетели, и давно уже их место в скворечнике занято воробьями. Но до сих пор на ту же яблоню прилетает в хорошее росистое утро старый скворец и поет.

Вот странно, казалось бы, все уже кончено, самка давно вывела, детеныши выросли и улетели... Для чего же старый скворец прилетает каждое утро на яблоню, где прошла его весна, и поет?

Удивляюсь скворцу, и под песню его косноязычную и смешную сам в какой-то неясной надежде, ни для чего, иногда тоже кое-что сочиню.

ПТИЧИК

Птичик, самый малый, сел на вершинный палец самой высокой ели, и, видно, он там недаром сел, тоже славил зарю; клюв его ма-

ленький раскрывался, но песня не достигала земли, и по всему виду птички можно было понять: дело ее—славить, а не в том, чтобы песня достигала земли и славила птичку.

ЦВЕТУЩИЕ ТРАВЫ

Как рожь на полях, так в лугах тоже зацвели все злаки, и когда злачинку покачивало насекомое, она окутывалась пылью, как золотым облаком. Все травы цветут и даже подорожники,—какая трава подорожник, а тоже весь в белых бусинках.

Раковые шейки, медуницы, всякие колоски, пуговки, шишечки на тонких стебельках приветствуют нас. Сколько их прошло, пока мы столько лет жили, а не узнать, кажется, все те же шейки, колоски, старые друзья. Здравствуйте, еще раз здравствуйте, милые!

РАСЦВЕТ ШИПОВНИКА

Шиповник наверное с весны еще пробрался внутрь по стволу к молодой осинке, и вот теперь, когда время пришло осинке справлять свои именины, вся она вспыхнула красными благоухающими дикими розами. Гудят пчелы и осы, бьют шмели, все летят поздравлять и на именинах роски попить и медку домой захватить.

СЫТЫЕ ПУЗЫРИ

Весь день дождь и парит. Синица звенит не как раньше—брачным голосом в теплом луче. Теперь под дождем она звенит непрерывно

и даже как будто от этого похудела: такая тоненькая на ветке. Ворона не хочет даже подняться на дерево, токует прямо на дороге, кланяется, давится, хрипит, задыхается от желания.

Весна воды началась стремительно. Снег на полях и в лесу стал зернистым, можно ходить, продвигая ноги, как лыжи. Вокруг елей в лесу стоят маленькие спокойные озера. На открытых полянах торопливый дождь не дает на лужах вставать пузырям. Но в озерках под елками капли с сучьев падают тяжелые, и каждая, падая в воду, дает сытый довольный пузырь. Я люблю эти пузыри, они мне напоминают маленьких детей, похожих одновременно и на отца и на мать.

РОДНОЙ САМОВАР

Бывает такая тишина, такая ясность в душе. Смотришь на человека всякого с таким вниманием, если красив — восхищаешься, если плох — пожалеешь. В любой вещи тогда чувствуешь душу создавшего ее человека.

Вот сейчас самовар ставлю, самовар, прослуживший мне тридцать лет, — и стараюсь, как бы самовар, так и быть уж на радости, пусть родной самовар, вскипая, слезу не пролил.

РИТМ

Есть в моей природе постоянное стремление к ритму. Бывает, встанешь рано, выйдешь на росу, радость охватит, и тут решаешь, что надо к а ж д о е утро так выходить. Почему же каждое? Потому что волна идет за волной...

ВОДА

Никто в природе так не затаивается, как вода, и только перед большой и радостной зарей бывает так на сердце человека: притаишься, соберешься и как будто сумел, достал из глубины того себя, где есть проток в мир всеобщего родства, зачерпнул там живой воды и вернулся в наш человеческий мир, и тут навстречу тебе лучезарная тишь воды, широкой, цветистой, большой.

МОЛОДЫЕ ЛИСТИКИ

Ели цветут красными свечами и пылят желтой мучицей. У старого огромного пня я сел прямо на землю; пень этот внутри—совершенно труха и наверное рассыпался бы вовсе, если бы твердая крайняя древесина не растрескалась дощечками, как в бочках, и каждая дощечка не прислонилась бы к трухе и не держала бы ее. А из трухи выросла березка и теперь распустилась. И множество разных трав ягодных, цветущих снизу поднимались к этому старому огромному пню.

Пень удержал меня, я сидел рядом с березкой, старался услышать шелест трепещущих листиков и не мог ничего услышать. Но ветер был довольно сильный, и по елям приходила сюда лесная музыка волнами, редкими и могучими. Вот убежит волна далеко и не придет, и шумовая завеса упадет, откроется на короткую минуту полная тишина и зяблик этим воспользуется: раскатится бойко, настойчиво. Радостно слушать его,—подумаешь, как жить хорошо

на земле! Но мне хочется услышать, как шепчутся бледножелтые ароматно-блестящие и еще маленькие листья моей березы. Нет! Они такие нежные, что только трепещутся, блестят, пахнут, но не шумят.

У СТАРОГО ПНЯ

Пусто никогда не бывает в лесу, и если кажется пусто, то сам виноват.

☆

Старые умершие деревья, их огромные старые пни окружаются в лесу полным покоем, сквозь ветви падают на их темноту горячие лучи, от теплого пня вокруг все согревается, все растет, движется, пень прорастает всякой зеленью, покрывается всякими цветами. На одном только светлом солнечном пятнышке на горячем месте расположились десять кузнечиков, две ящерицы, шесть больших мух, две жужелицы... Вокруг высокие папоротники собрались, как гости, редко ворвется к ним самое нежное дыхание где-то шумящего ветра, и вот в гостиную у старого пня один папоротник наклонится к другому, шепнет что-то, и тот шепнет третьему, и все гости обменяются мыслями.

У РУЧЬЯ

Березки теперь давно оделись и утопают в высокой траве, а когда я снимал их, то была первая весна, и в снегу под этой березкой, темнея на голубом, начинался первый ручеек. С тех пор, пока разоделась березка и выросли под ними разные травы с колосками и шишеч-

ками и шейками разных цветов, много, много воды утекло из ручья, и сам ручей тот до того зарос в темнозеленой густоте непроницаемой осокой, что не знаю, есть ли еще в нем теперь хоть сколько-нибудь воды. И так точно было со мной в это время; сколько воды утекло с тех пор, как мы расстались, и по виду моему никому не узнать, что ручей души моей все еще жив.

ПЕСНЯ ВОДЫ

Весна воды собирает родственные звуки, бывает, долго не можешь понять, что это вода булькает, или тетерева бормочут, или лягушки урчат. Все вместе сливается в одну песню воды, и над ней согласно всему блеет бекас божьим баранчиком, в согласии с водой вальдшнеп хрипит и таинственно ухаёт выпь: все это странное пенье птиц вышло из песни весенней воды.

ЭОЛОВА АРФА

Повислые под кручей частые длинные корни деревьев теперь под темными сводами берега превратились в сосульки и, нарастая больше и больше, достигли воды. И когда ветерок, даже самый ласковый, весенний, волновал воду и маленькие волны достигали под кручей концов сосулек, то волновали их, они качались, стуча друг о друга, звенели, и этот звук был первый звук весны, эолова арфа.

ПЕРВЫЙ ЦВЕТОК

Думал, случайный ветерок шевельнул старым листом, а это вылетела первая бабочка.

Думал, в глазах это порябило, а это показался первый цветок.

НЕВЕДОМОМУ ДРУГУ

Солнечно-росистое это утро, как неоткрытая земля, неизведанный слой небес, утро такое единственное, никто еще не вставал, ничего никто не видал, и ты сам видишь впервые.

Допевают свои весенние песни соловьи, еще сохранились в затишных местах одуванчики, и, может быть, где-нибудь в сырости черной тени белеет ландыш. Соловьям помогать взялись бойкие летние птички—подкрапивники, и особенно хороша флейта иволги. Всюду беспокойная трескотня дроздов, и дятел очень устал искать живой корм для своих маленьких, присел вдали от них на суку просто отдохнуть.

Вставай же, друг мой! Собери в пучок лучи своего счастья, будь смелей, начинай борьбу, помогай солнцу! Вот слушай, и кукушка взялась тебе помогать. Гляди, лунь плывет над водой: это же не простой лунь, в это утро он первый и единственный, и вот сороки, сверкая росой, вышли на дорожку,—завтра так точно сверкать они уже не будут, и день-то будет не тот,—и эти сороки выйдут где-нибудь в другом месте. Это утро единственное, ни один человек его еще не видел на всем земном шаре: только видишь ты и твой неведомый друг.

И десятки тысяч лет жили на земле люди, копили, передавая друг другу, радость, чтобы ты пришел, поднял ее, собрал в пучки ее стрелы и обрадовался. Смелей же, смелей!

И опять расширится душа: елки, березки,— и не могу оторвать своих глаз от зеленых свечей на соснах и от молодых красных шишек на елках. Елки, березки, до чего хорошо!

ВЕРХНЯЯ МУТОВКА

Утром лежал вчерашний снег. Потом выглянуло солнце, и при северном холодном ветре весь день носились тяжелые облака, то открывая солнце, то опять закрывая и угрожая...

В лесу же в заветрии как ни в чем не бывало продолжалась весенняя жизнь... Какая восхитительная сказка бывает в лесу, когда со всех этажей леса свешиваются, сходятся, переплетаются ветви, еще не одетые, но с цветами-сережками или с зелеными длинными напряженными почками. Жгутики зеленые черемухи, в бузине красная каша с волосками, в ранней иве, из-под ее прежнего волосатого вербного одеяльца, выбиваются мельчайшие желтенькие цветочки, составляющие потом в целом как бы желтого, только что выбившегося из яичной скорлупы цыпленка.

Даже стволы нестарых елей покрылись, как шерстью, зелеными хвоинками, а на самом верхнем пальце самой верхней мутовки явно показывается новый узел новой будущей мутовки...

Не о том я говорю, чтобы мы, взрослые, сложные люди, возвращались бы к детству, а к тому, чтобы в себе самих хранили бы каждый своего младенца, не забывали бы о нем никогда и строили жизнь свою, как дерево: эта младенческая первая мутовка у дерева всегда наверху, на свету, а ствол—это его сила, это мы взрослые.

ПШЕНИЧНОЕ ЗЕРНО

Теперь и шекспировская сила воображенья не подавляет меня, как писателя: я хорошо знаю, что если б мне удалось без воображенья, а просто терпеливой раскопкой найти в себе крупинку такого, чем все люди живут, и об этом рассказать, то сам Шекспир, как брата, позвал бы меня в свой охотничий замок, и ему бы и в голову не пришло противопоставлять величайшую силу своего таланта пшеничному зерну моей веры в какого-то друга.

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ

Тут, на этой цветущей лесной поляне, давно когда-то жили: вон там видно, обрыто было, там вырыто, там наверно дом стоял, здесь погреб, и на лужайке по густозеленому цвету полоски травы можно догадаться, что это была дорога, по которой ходил давно умерший человек.

Я иду этой полоской и чувствую, от чего-нибудь чувства мои и понимание до того могут перемениться, такое во мне может произойти, что того давно умершего человека я могу узнать в себе самом, и как шел он тогда по своей дороге и как теперь в виде «я» идет по густозеленой траве.

И когда воскрес во мне самый тот человек, под огромным дубом я увидел по свежей зеленой траве темнозеленое изображение другого тоже огромного дерева. Чуть подумав об этом, я догадался, что другой дуб, росший долго вместе с этим, давно упал, давно рассыпался в прах и стал удобрением, создавшим густую зелень на свежей траве.

ВЕЧЕР ОСВЯЩЕНИЯ ПОЧЕК

Почки раскрываются, шоколадные с зелеными хвостиками, и на каждом зеленом клювике висит большая прозрачная светлая капля. Возьмешь одну почку, разотрешь между пальцами, и потом долго все пахнет тебе ароматной смолой березы, тополя или особенным воспоминательным запахом черемухи: вспоминаешь, как, бывало, забирался наверх по дереву за ягодками, блестящими, чернолаковыми, и ел их горстями прямо с косточками, и почему-то от этого никогда ничего, кроме хорошего, не бывало.

Вечер теплый и такая тишина, что ждешь чего-то напряженно: должно же что-нибудь случиться в такой тишине. И вот, кажется, пришло: кажется, начинают шептаться между собой деревья: береза белая с другой березой белой издали перекликаются, осинка молодая стала на поляне, как зеленая свеча, находит себе такую же свечу, черемуха черемухе подает ветку с раскрытыми почками. И так, если с нами сравнить, мы звуками перекликаемся, а у них аромат: сейчас каждая порода окружена своим ароматом.

Когда начало темнеть, стали в темноте исчезать почки, но капли на них светились, и, даже когда ничего нельзя было понять в темной тесноте кустарников, капли светились, одни только капли да небо: капли брали у неба свой свет и светили нам в темном лесу.

Мне казалось, будто я весь собрался в одну смолистую почку и хочу раскрыться навстречу единственному неведомому другу, такому прекрасному, что при одном только ожидании его

все преграды движению моему рассыпаются ничтожною пылью.

ЛЕСНОЙ РУЧЕЙ

Если хочешь понять душу леса, найди лесной ручей и отправляйся берегом его вверх или вниз. Я иду берегом своего любимого ручья самой ранней весной. И вот что я тут вижу, и слышу, и думаю.

Вижу я, как на мелком месте текущая вода встречает преграду в корнях елей, и от этого журчит о корни и распускает пузыри. Рождаясь, эти пузыри быстро мчатся и тут же лопаются, но большая часть их сбивается дальше у нового препятствия в далеко видный белоснежный ком.

Новые и новые препятствия встречает вода, и ничего ей от этого не делается, только собирается в струйки, будто сжимает мускулы в неизбежной борьбе.

Водная дрожь от солнца бросается тенью на ствол елки, на травы, и тени бегут по стволам, по травам, и в дрожи этой рождается звук, и чудится, будто травы растут под музыку, и видишь согласие теней.

С мелкоширокого плеса вода устремляется в узкую приглубь, и от этой бесшумной устремленности вот и кажется, будто вода мускулы сжала, а солнце это подхватывает, и напряженные тени струй бегут по стволам и по травкам.

А то вот большой завал, и вода как бы ропщет, и далеко слышен этот ропот и переплеск. Но это не слабость, и не жалоба, не отчаяние, вода этих человеческих чувств вовсе не знает, каж-

дый ручей уверен в том, что добежит до свободной воды, и даже если встретится гора, пусть и такая, как Эльбрус, он разрежет пополам Эльбрус, а рано ли, поздно ли добежит...

Рябь же на воде, схваченная солнцем, и тень, как дымок, перебегает вечно по деревьям и травам, и под звуки ручья раскрываются смолистые почки, и травы поднимаются из-под воды и на берегах.

А вот тихий омут с поваленным внутрь его деревом; тут блестящие жучки-вертушки распускают рябь на тихой воде.

Под сдержанный ропот воды струи катятся уверенно и на радости не могут не перекликнуться: сходятся могучие струи в одну большую и, встречаясь, сливаются, говорят и перекликаются: это перекличка всех входящих и расходящихся струй.

Вода задевает бутоны новорожденных желтых цветов, и так рождается водная дрожь от цветов. Так жизнь ручья проходит то пузырями и пеной, а то в радостной перекличке среди цветов и танцующих теней.

Дерево давно и плотно легло на ручей и даже позеленело от времени, но ручей нашел себе выход под деревом и быстриком, с трепетными тенями бьет и журчит.

Некоторые травы уже давно вышли из-под воды и теперь на струе постоянно кланяются и отвечают вместе и трепету теней и ходу ручья.

Пусть завал на пути, пусть! Препятствия делают жизнь: не будь их, вода бы безжизненно сразу ушла в океан, как из безжизненного тела уходит непонятная жизнь.

На пути явилась широкая, приглубная низина. Ручей, не жалея воды, наполнил ее и побежал дальше, оставляя эту заводь жить своей собственной жизнью.

Согнулся широкий куст под напором зимних снегов и теперь опустил в ручей множество веток, как паук, и, еще серый, насел на ручей и шевелит всеми своими длинными ножками.

Семена елей плывут и осин.

Весь проход ручья через лес—это путь длительной борьбы, и так создается тут время. И так длится борьба, и в этой длительности успевает зародиться жизнь и мое сознание.

Да, не будь этих препятствий на каждом шагу, вода бы сразу ушла и вовсе бы не было жизни-времени...

В борьбе своей у ручья есть усилие, струи, как мускулы, скручиваются, но нет никакого сомнения в том, что рано ли, поздно ли он попадет в океан к свободной воде, и вот это «рано ли, поздно ли» и есть самое-самое время, самая-самая жизнь.

Перекликаются струи, напрягаясь у сжатых берегов, выговаривают свое: «рано ли», «поздно ли». И так весь день и всю ночь журчит это «рано ли, поздно ли». И пока не убежит последняя капля, пока не пересохнет весенний ручей, вода без устали будет твердить: «Рано ли, поздно ли мы попадем в океан».

По заберегам отрезана весенняя вода круглой лагункой, и в ней осталась от разлива щучка в плену.

А то вдруг придешь к такому тихому месту ручья, что слышишь, как на весь-то лес урчит снегирь и зяблик шуршит старой листвой.

А то мощные струи, весь ручей в две струи под косым углом сходятся и всей силой своей ударяет в кручь, укрепленную множеством могучих корней вековой ели.

Так хорошо было, что я сел на корни и, отдыхая, слышал, как там внизу, под кручей, перекликались уверенно могучие струи, они перекликались в своем «рано ли, поздно ли».

В осиновой мелочи расплескалась вода, как целое озеро, и, собравшись в одном углу, стала падать с обрыва высотой в метр, и от этого стало бубнить далеко. Так Бубнило бубнит, а на озерке тихая дрожь, мелкая дрожь, и тесные осинки, опрокинутые там под водой, змейками убегают вниз непрерывно и не могут убежать от самих себя.

Привязал меня ручей к себе, и не могу я отойти в сторону, скучно становится.

Вышел на какую-то лесную дорогу, и тут теперь самая низенькая трава, такая зеленая, сказать—почти ядовитая, и по бокам две колеи, переполненные водой.

На самых молодых березках зеленеют и ярко сияют ароматной смолой почки, но лес еще не одет, и на этот еще голый лес в нынешнем году прилетела кукушка: кукушка на голый лес—считается нехорошо.

Вот уже двенадцатый год, как я рано, не одетой весной, когда цветет только волчье лыко, анемоны и примулы, прохожу этой вырубкой. Кусты, деревья, даже пни мне тут так хорошо знакомы, что дикая вырубка мне стала как сад: каждый куст, каждую сосенку, елочку обласкал, и они все стали моими, и это все равно, что я их посадил, это мой собственный сад.

Из этого своего «сада» я вернулся к ручью и смотрел тут на большое лесное событие: огромная вековая ель, подточенная ручьем, свалилась со всеми своими старыми и новыми шишками, всем множеством веток своих легла на ручей, и о каждую ветку теперь билась струйка и, протекая, твердила, перекликаясь с другими: «рано ли, поздно ли»...

Ручей выбежал из глухого леса на поляну и в открытых теплых лучах солнца разлился широким плесом. Тут вышел из воды первый желтый цветок, и, как соты, лежала икра лягушек, такая спелая, что через прозрачные ячейки просвечивали черные головастики. Тут же над самой водой носились во множестве голубоватые мушки величиной почти в блоху, и тут же падали в воду, откуда-то вылетали и падали, и в этом, кажется, и была их короткая жизнь. Блестящий, как медный, завертелся на тихой воде жучок водяной, и наездник скакал во все стороны и не шевелил даже воду. Лимонница, большая и яркая, летела над тихой водой. Маленькие лужицы вокруг тихой заводи поросли травой и цветами, а пуховые вербочки на ранней иве процвели и стали похожи на маленьких цыплят в желтом пуху.

Что такое случилось с ручьем? Половина воды отдельным ручьем пошла в сторону, другая половина в другую. Может быть, в борьбе своей за веру в свое «рано ли, поздно ли» вода разделилась: одна вода говорила, что вот этот путь раньше приведет к цели, другая в другой стороне увидела короткий путь, и так они разошлись, и обежали большой круг, и заключили большой остров между собой, и опять

вместе радостно сошлись и поняли: нет разных дорог для воды, все пути рано ли, поздно ли непременно приведут ее в океан.

И глаз мой обласкан, и ухо все время слышит: «рано ли, поздно ли», и аромат смолы тополей и березовой почки—все сошлось в одно, и мне стало так, что лучше и быть не могло, и некуда мне было больше стремиться. Я опустил ся между корнями дерева, прижался к стволу, лицо повернул к теплому солнцу, и тогда пришла моя желанная минута и остановилась, и последним человеком от земли я первый вошел в цветущий мир.

Ручей мой пришел в океан.

РЕКИ ЦВЕТОВ

Там, где тогда мчались весенние потоки, теперь везде потоки цветов.

И мне так хорошо было пройтись по этому лугу; я думал: «Значит, не даром неслись весной мутные потоки».

ЖИВЫЕ НОЧИ

Дня три или четыре тому назад произошел огромный и последний уступ в движении весны. Тепло и дожди обратили нашу природу в парник, воздух насыщен ароматом молодых смолистых листьев тополей, берез и цветущей ивы. Начались настоящие теплые ж и в ы е н о ч и. Хорошо с высоты достижений такого дня оглянуться назад и ненастные дни ввести, как необходимые, для создания этих чудесных живых ночей.

ЖИВИТЕЛЬНЫЙ ДОЖДИК

Солнышко на восходе показалось и мягко закрылось, пошел дождь, такой теплый и живительный для растения, как нам любовь.

Да, этот теплый дождь, падающий на смолистые почки оживающих растений, так нежно касается коры, прямо тут же под каплями изменяющей цвет, что чувствуешь: эта теплая небесная вода для растений то же самое, что для нас любовь. И та же самая любовь, как и у нас, та же самая их вода—любовь внизу обмывала, ласкала корни высокого дерева, и вот оно сейчас от этой любви—воды рухнуло и стало мостом с одного берега на другой, а небесный дождь—любовь продолжает падать и на поваленное дерево с обнаженными корнями, и от этой самой любви, от которой оно повалилось, теперь раскрываются почки и пахнут смолистыми ароматами, и будет оно цвести этой весной, как и все, цвести и давать жизнь другим...

ВОДА И ЛЮБОВЬ

Животным, от букашки до человека, самая близкая стихия—это любовь, а растениям вода: они жаждут ее, и она к ним приходит с земли и с неба, как у нас бывает земная любовь и небесная...

ЧЕРЕМУХА

Сочувствуя поваленной березе, я отдыхал на ней и смотрел на большую черемуху, то вабявая ее, то опять с изумлением к ней воз-

вращаясь: мне казалось, будто черемуха тут же на глазах одевалась в свои прозрачные, сделанные как будто из зеленого шума, одежды: да, среди серых, еще не одетых деревьев и частых кустов она была зеленая, и в то же время через эту зелень я видел сзади нее частые белые березки. Но когда я поднялся и захотел проститься с зеленой черемухой, мне показалось, будто сзади нее и не было видно березок. Что же это такое? Или это я сам выдумал, будто были березки, или... или черемуха оделась в то время, как я отдыхал...

СОСНЫ

Как хочется мне, чтобы эти сосны вечно стояли, и еще хочется, чтобы они были мои собственные и я мог бы вечно смотреть на них и любить. Вот к этому «сохранить навеки» и «присвоить» и стремится художник: из тех же самых элементов создаются томы Шекспира и сундуки Плюшкина.

ГЛОТОК МОЛОКА

Чашка с молоком стояла возле носа Лады, она отвертывалась. Позвали меня. «Лада,— сказал я,— надо поесть». Она подняла голову, забила прутком. Я погладил ее, от ласки жизнь заиграла в ее глазах. «Кушай, Лада»,— повторил я и подвинул блюдце поближе.

Она протянула нос к молоку и залакала. Значит, через мою ласку ей жизни прибавилось. И, может быть, именно эти несколько глотков молока решали борьбу в пользу жизни. Таким глотком молока и решается в мире дело любви.

ХОЗЯЙКА

Какая отличная хозяйка и мать эта Анна Даниловна: две комнаты в полном порядке, несмотря на то, что четверо маленьких и сама еще служит уборщицей в билетной кассе железной дороги. Вспоминаешь старую деревню, погруженную в навоз, сопатых, неухоженных детей, пьяниц, расположившихся на бабьем труде... как будто на небо поднялся! Но когда я об этом сказал Анне Даниловне, она очень запечалилась и сказала мне, что очень тоскует по своей родине, все бы бросила и сейчас бы туда поехала.

— А вас, Василий Захарович,—спросил я мужа ее,—тоже тянет в деревню, на родину?

— Нет — ответил он,—меня никуда не тянет.

Оказалось, он из Самарского края и единственный из своей семьи спасся в 1920 году от голода. Мальчиком он поступил в деревню в батраки к старику одному и ушел от старика без гроша. Только вот взял себе в деревне Анну Даниловну и поступил рабочим на судовой верфь.

— Почему же вас на родину не тянет?—спросил я его.

Он улыбнулся, чуть-чуть перемигнулся с женой и стеснительно сказал:

— Вот моя родина.

ЗАПОЗДАЛАЯ ВЕСНА

Цветут сначала ландыши, потом шиповники: всему есть свое время цвести. Но бывает, целый месяц пройдет с тех пор, как отцветут ландыши, а где-нибудь в самой черной лесной глуши цветет себе один и благоухает,

И так очень редко, но бывает и с человеком. Бывает, где-то в затишьи, в тени жизненной незнаемый человек; о нем думают: «отжил» и мимо пройдут. А он вдруг неожиданно выйдет, засветится и зацветет.

РОМАШКА

Радость какая! на лугу в лесу встретила ромашка, самая обыкновенная «любит—не любит». При этой радостной встрече я вернулся к мысли о том, что лес раскрывается только для тех, кто умеет чувствовать к его существам родственное внимание. Вот эта первая ромашка, завидев идущего, загадывает «любит—не любит?» «Не заметил, проходит, не видя, не любит, любит только себя. Или заметил... О, радость какая: он любит! Но если он любит, то как все хорошо: если он любит, то может даже сорвать».

ЛЮБОВЬ

Никаких следов того, что люди называют л ю б о в ь ю, не было в жизни этого старого художника. Вся любовь его, все, чем люди живут для себя; у него было отдано искусству. Обвеянный своими видениями, окутанный вуалью поэзии, он сохранился ребенком, удовлетворяясь взрывами смертельной тоски и опьянением радостью от жизни природы. Прошло бы, может быть, немного времени, и он умер уверенный, что такая и есть вся жизнь на земле...

Но вот однажды пришла к нему женщина, и он ей, а не мечте своей, пролепетал свое л ю б л ю.

Так все говорят, и Фацелия, ожидая от художника особенного и необыкновенного выражения чувства, спросила:

— А что это значит «люблю»?

— Это значит,—сказал он,—что если у меня останется последний кусок хлеба, я не стану его есть и отдам тебе, если ты будешь больна, я не отойду от тебя, если для тебя надо будет работать, я впрягусь как осел...

И он еще много насказал ей такого, что люди выносят из-за любви.

Фацелия напрасно ждала небывалого.

— Отдать последний кусок хлеба, ходить за больной, работать ослом,—повторила она,—да ведь это же у всех, так все делают...

— А мне этого и хочется,—ответил художник,—чтобы у меня было теперь, как у всех. Я же об этом именно и говорю, что наконец-то испытываю великое счастье не считать себя человеком особенным, одиноким и быть, как все хорошие люди.

ЛЕСНАЯ КАПЕЛЬ
записки

Д Е Р Е В О

КОРЕНЬ

В ижу, как перед восходом солнца блестящий опускается на западе месяц—в этот раз настолько дальше вчерашнего, что так и не отразился в поло́е¹.

То солнце покажется, то закроется облаками, и думаешь: «Вот дождь пойдет», и все нет дождя. Постепенно теплеет.

Вчера горячие лучи солнца не совсем еще покончили с новым льдом, и он, тонкий, острый, остался широкой лентой у берегов, и синяя зыбь свободной воды тревожит его, и от этого звук получается похожим на тот, когда ребяташки по тонкому льду швыряют камешки: будто большой стаей птички-щелбуньи летят.

В некоторых местах поло́я от вчерашнего льда остался слой, подобный летней ряске: чайки плывут по нем, оставляя след за собой, но мыши, удравшие с берега от мальчишек, по такой ледяной кашеце бегут, не проваливаясь.

Гляжу на единственное во всей пойме деревцо—вяз перед моим окном, вижу, как все пере-

¹ Талая вода на льду.

летные птички присаживаются на него: зяблики, щеглы, зорьки, и все думаю и думаю о том дереве, на которое когда-то измученный жизнью присел, да так и слился с ним, и корни того дерева стали моими корнями в родной земле. Так в своей перелетной жизни я и стал когда-то на свой корень.

БЕРЕЗЫ

Зимой березы таятся в хвойном лесу, а весной, когда листья разворачиваются, кажется, будто березы из темного леса выходят на опушку. Это бывает до тех пор, пока листва на березах не потемнеет и более или менее не сравняется с цветом хвойных деревьев. И еще бывает осенью, когда березки, перед тем как скрыться, прощаются с нами своим золотом.

ЛЕСНОЙ ШАТЕР

Столетние усилия дерева сделали свое: верхние ветви свои эта ель вынесла к свету, но нижние ветки—детки, сколько ни тащила их наверх матушка, остались внизу, сложились шатром, поросли зелеными бородами, и под этим непроницаемым для дождя и света шатром поселился...

— Кто там поселился?

Мы возвращались с охоты мимо этой ели. Лада что-то почуяла внутри него и стала. Мы думали: «Выскочит или вылетит?»

Что-то шархнулось и убежало. Что это было, так и не дознались.

ЕЛЬ И БЕРЕЗКА

Ель хороша только при сильном солнечном свете: тогда ее обычная чернота просвечивает самой густой, самой сильной зеленью. А березка мила и при солнце, и в самый серый день, и при дождике.

СВЕТОТЕНИ

Береза и осина—самые светолюбивые деревья и особенно, мне кажется, осина. У нее ведь каждый листик трепещет и со всех сторон купается в свете. Осина светолюбивая, а под осинной растут тенелюбивые травы, папоротники, хвощи. Такой густой осинник, что зайцу не проскочить, а тут еще в густоте из-под низу выбилась высокая крапива... И так везде в мире: где свет, там и тень.

ХМЕЛЬ

Высокая ель над омутом до того умершая, что даже длинные бороды зеленых лишайников почернели, сжались, попадали. Эту ель облюбовал хмель, стал по ней подниматься выше и выше,—и что он увидел с высоты и что случилось в природе, пока он подымался?

ЖИЗНЬ НА РЕМЕШКЕ

Прошлый год, чтобы заметить место на вырубке, мы сломали молодую березку; она повисла почти только на одном узеньком ремешке коры. В нынешнем году я узнал то место, и вот удивление: березка эта висела зеленая, потому

что, вероятно, ремешок коры подавал сок висящим сучьям.

ВОЛЧЬЕ ЛЫКО

Как только друг ушел от меня и я оглянулся вокруг себя, внимание мое остановил старый пень, весь истыканный густыми еловыми шишками. Тут дятел работал над ними всю зиму: вокруг пня толстым слоем лежали эти шишки, он их всю зиму таскал сюда и шелушил.

А из-под низу сквозь этот слой выбилось на свет, на свою вольную волюшку волчье лыко и сейчас расцвело маленькими малиновыми цветочками. Стебелек у этого самого первого весеннего цветка и вправду такой же крепкий, как лыко, и еще крепче: волчье лыко. Без ножа оторвать цветок от земли почти невозможно и, пожалуй, этого и не надобно делать: цветок волчьего лыка издали пахнет чудесно, как гиацинт, но стоит его поднести к носу поближе, го запахнет так худо, хуже, чем волком. Смотрю на него сейчас и дивлюсь и по нем вспоминаю некоторых знакомых людей: издали очень хороши, а подойдешь поближе—запахнут как волки.

ПЕнь-МУРАВЕЙНИК

Есть старые пни в лесу, все покрытые, как швейцарский сыр, дырочками, и сохранившие прочную свою форму... Если, однако, придется сесть на такой пень, то перегородки между дырочками, очевидно, разрушаются, и чувствуешь, что сам на пне немного осел. И когда почувствуешь, что немного осел, то вставай немедленно: из каждой дырочки этого пня под

тобой выползет множество муравьев, и поздравитый пенёк окажется весь сплошным муравейником, сохранившим обличье пня.

ЗАРАСТАЮЩАЯ ПОЛЯНА

Лесная поляна. Вышел я, стал под березкой... Что делается! Елки, одна к другой, так сильно густели, и вдруг останавливались все у большой поляны. Там, на другой стороне поляны, были тоже ели и тоже остановились, не смея двинуться дальше. И так, кругом всей поляны стояли густые высокие ели, каждая высылая впереди себя березку. Вся большая поляна была покрыта зелеными бугорками. Это было все наработано когда-то кротами и потом заросло и покрылось мохом. На эти взрытые кротами холмики падало семя и вырастали березки, а под березкой, под ее материнской защитой от мороза и солнца вырастала тенелюбивая елочка. И так, высокие ели, не смея открыто сами выслать своих малышей на полянку, высылали их под покровом березок и под их защитой переходили поляну.

Пройдет сколько-то положенных для дерева лет, и вся поляна зарастет одними елками, а березы-покровительницы зачахнут в тени.

ТРУПЫ ДЕРЕВЬЕВ

Трупы деревьев это не то, что зловонные трупы животных. Вот береза упала и утонула в раковых шейках и заросла Иван-да-Марьей. Вся береста на ее старой коре от старости завернулась трубочками, и в каждой трубочке непременно живет кто-нибудь.

ЛЕСНАЯ КНИГА

Лесная книга дается только тем, кто хочет читать ее без всякой осязаемой пользы для себя или корысти, даже нужен тебе гриб или орех, и то будет мешать тебе, и нехватит внимания вникнуть в ход лесной жизни.

Лес молодой осиновый, подлесок ореховый, под орехами живет папоротник со сниткой, и третьим сожителем у них хвощ.

Надо учиться ходить в лесу, оглядывая деревья с самого низу и до верху, а то обыкновенно смотришь или вниз, или прямо перед собой, и что делается в верхнем этаже—не видишь.

Травы такой росой обдаются, что им все равно как после дождя, и даже кусты в росе. До какого же лесного этажа хватает роса?

ДЕРЕВЬЯ НА СЛУЖБЕ

Во всех искусственных насаждениях, парках, бульварах деревья не только сами по себе, но и несут службу для человека, для чистоты его воздуха, для человеческого отдыха: тут человеку хорошо дышится, хорошо думается. В лесу же человеку приходится не только наслаждаться деревьями, а и учиться, да, человеку у деревьев учиться.

НА ТЯГЕ

Посвистывая очень удачно рябчика в ожидании вальдшнепа, наметил вспомнить всю флору

и фауну лесную, как встречалась она мне в личном моем опыте, выискивая постепенно сюжет, объединяющий всю экологическую многоярусность леса. Чудесно, например, что землеройка, попав в глубокую колею, вынуждена ночью бежать в ней до самой деревни. Она может встретиться и с полевкой, и с лисицей, и сова может броситься, и колесо телеги человеческой может раздавить.

ТЕМНЫЙ ЛЕС

Темный лес хорош в яркий солнечный день, — тут и прохлада и чудеса световые: райской птицей кажется дрозд или сойка, когда они, пролетая, пересекут солнечный луч, листья простейшей рябины в подлеске вспыхивают зеленым светом, как в сказках Шехерезады.

Чем ниже спускаешься чащей к речке, тем гуще заросли, тем больше прохлада, пока наконец в черноте теневой, между завитыми хмелем ольхами, не блеснет вода бочага и не покажется на берегу его влажный песок. Надо тихо итти: можно увидеть, как горлинка тут пьет воду. После на песке можно любоваться отпечатками ее лапок и рядом — всевозможных лесных жителей: вот и лисица прошла...

Оттого лес называется т е м н ы м, что солнце смотрит в него, как в оконце, и не все видит. Так вот нельзя ему увидеть барсучьи норы и возле них хорошо утрамбованную песчаную площадку, где катаются молодые барсуки. Нор тут нарыто множество, и, повидимому, все из-за лисы, которая поселяется в барсучьих норах и воню своей, неопрятностью выживает барсука. Но место замечательное, переменить

не хочется: песчаный холм, со всех сторон овраги, и все такой чащей заросло, что солнце смотрит и ничего увидеть не может в свое небольшое окошко.

ЗВУКИ МАШИН

Когда ударит орудие на полигоне, нам в лесу кажется, будто где-то тут в ельнике глухарь взлетел. А когда захлопает на шоссе мотоцикл, в лесу—будто где-то рябчики порхают. Но когда по-настоящему гроыхнет глухарь в лесу, уже знаешь: это глухарь. И птицы тоже, как мы, привыкают к звукам машин, и токующий тетерев под грохот заводимого трактора слышит, как подбирается к нему лисичка или подкрадывается охотник.

ЛЕСНОЕ КЛАДБИЩЕ

Выхватили на дрова полоску леса и почему-то не вывезли все, так и остались на вырубке поленницы, местами вовсе исчезнувшие в молодом осиннике с огромными светлозелеными листьями или в частом ельнике. Кто понимает жизнь леса, нет ничего интересней таких вырубок, потому что лес—эта книга за семью печатями, а вырубка—страница развернутой книги. После рубки соснового леса солнце сюда ворвалось и выросли оттого гигантские травы, которые не давали прорасть семенам сосны и ели. Маленькие осинки, буйно густые и лопухие, однако, побеждают даже траву и вырастают, несмотря ни на что. Когда осинник заглушит траву, тенелюбивая елка начинает расти в осин-

нике, обрастает его, и оттого ель обыкновенно сменяет сосну. На этой вырубке, однако, был смешанный лес, но самое главное, что тут были заболоченные моховые пятна, которые оживились и очень повеселели с тех пор, как лес был вырублен.

И вот на этой вырубке теперь можно было прочитать всю жизнь леса, во всем ее разнообразии: тут был и мох со своими голубыми и красными ягодами, красный мох и зеленый, мелкозвездчатый и крупный и редкие пятна белого ягеля, со вкрапленными в него красными брусничинами, ерник... Всюду, возле старых пней, на их черном фоне, ярко светились в солнечных лучах молоденькие сосны, и ели, и березки. Буйная смена жизни вселяла веселые надежды, и черные пни, эти обнаженные могилы прежних высоких деревьев, вовсе не удручали своим видом, как это бывает на человеческих кладбищах.

Дерево умирает по-разному. Вот береза, та гниет изнутри, так что долго принимаешь ствол ее белый за дерево. Между тем, там внутри только труха. Эта древесинная губка напитана водой и довольно тяжелая; если такое дерево толкнуть и не оберечься, то верхние куски могут, падая, ушибить и даже убить. Часто видишь, березовый пенек стоит, как букет: одна только береста остается белым воротником, одна она, смолистая, не гниет, а изнутри, на трухе—и цветы и новые деревца. Ель и сосна после смерти роняют прежде всего кору, она сваливается вниз кусками, как одежда, и лежит грудой под деревом. Потом валится верхушка, сучья, и наконец разваливается и самый пенек.

Если всматриваться в подробности земного ковра, то руины какого-нибудь пня покажутся не менее живописны, чем руины дворцового и башенного быта. Множество цветов, грибов, папоротников спешат возместить собой распад когда-то великого дерева. Но прежде всего и оно само, тут же возле пня, продолжается маленьким деревцом. Мох, яркозеленый, крупнозвездный, с частыми бурыми молоточками, спешит укрыть голые коленки, которыми дерево когда-то держалось в земле; на этом мху часто бывают гигантские красные в тарелку сыроежки. Светлозеленые папоротники, красная земляника, брусника, голубая черника обступают развалины. Бывает, нитям ползущей клюквы понадобится зачем-то перебраться через пень; глядишь, вот и ее кроваво-красные ягоды на тонких нитях с мельчайшими листиками висят, чрезвычайно украшая развалины пня.

В О Д А

НЕРЛЬ

Река Нерль течет по болоту, и хорошо здесь только до тех пор, пока не ожил комар. Ее приток Кубря—веселая, соловьиная река. На одной, крутой, стороне ее—лес, такой же дикий, как на Нерли, на другой—пахотные поля. Нерль обросла ольхой и черемухой, и едешь по ней на лодке, как под зелеными сводами. И соловьев здесь так много, как и в больших усадебных садах черноземного края.

Мы ехали на своей лодочке; впереди нас сетью на небе были сережки, цветы neodетых деревьев: сережки ольхи, желтые цыплятки ранней ивы и еще разные бутоны, и крупные, полураскрытые почки черемухи. Как грациозны и как стыдливы эти веточки neodетых деревьев, кажется, лучше застенчивых девушек.

В neodетом лесу при запоздалой весне все было видно насквозь: видны гнезда разных птиц, видны сами поющие птицы, соловьи с булькающими горлышками, зяблики, певчие дрозды, лесные голуби. И кукушка на виду куковала, и тетерев ходил, токуя, по суку, бормотал.

Хмель местами вовсе обвил ольху и черемуху, и одна зеленая ветвь, пробиваясь из-под хмеля, старого, прошлогоднего, была похожа на Лаокоона, обвитого змеями.

Впереди плавали четыре кряковых селезня. Когда мы приблизились и хотели стрелять из винтовочки, три взлетели, а четвертый оказался подстрелом с перебитым крылом. Мы избавили бескрылую птицу от мучительной жизни, положили на нос лодки и пользовались ею, как передним планом, при фотографировании речки.

ОТРАЖЕНИЯ

Снимал чудесные последние белые тропинки в лесу («черепок»). Бывает, тропинка обрывается, из-под нее показывается колея, наполненная водой, с отражениями деревьев; бывает, белая перерывается маленьким озером, бывает, и вовсе уходит под воду и оттуда, из глубины, сама виднеется среди огромного отраженного леса. Туда, на ту сторону этого моря, в моих сапогах нельзя перейти, нельзя и подойти к тому большому лесу, но к отражениям я подошел и даже могу их снимать. Больше! Вовсе не прибегая к самолету, не оглушая себя мотором, перед ясной лужицей талой воды я могу стоять и любоваться небольшим облаком подной.

НАЧАЛО ВЕСНЫ ВОДЫ

Нельзя сказать, чтобы я удалился так, что не слышно было города, все было слышно: и гудки электровоза, и стукотня всякая, но это было не важно, потому что у леса была своя

тишина, очень действенная и увлекающая мое внимание к себе целиком: городского гула я вовсе не слышал.

Я шел, не замечая дождя, но он был. Я впервые догадался о дожде, когда пришел к молодому березняку: он стал чуть-чуть розовым от первой встречи с небесной водой, и большие серые капли висели на ветках, такие большие, почти как вербы.

Дошел до Черного моста, и тут оказалось, что ручей еще глубоко в сугробах, и только лишь кое-где виднеются воронки с водой. Так что сегодня я был свидетелем самого первого начала весны воды.

На обратном пути я этот сегодняшний выход на волю обдумывал, как выход к воде: перееду в этом году к реке, куда-нибудь в Кострому. Еще в моих планах было не связывать жизнь свою с каким-нибудь местом: и пусть Москва, пусть Загорск, пусть Кострома—на каждом месте должен быть я сам со своим водоемом, в который вбегают ручьи и реки тех мест.

ДОРОГА

Оледенелая, натруженная, набитая копытами лошадей и полозьями саней, занавоженная дорога уходила прямо в чистое море воды и оттуда, в прозрачности, показывалась вместе с весенними облаками, преображенная и прекрасная.

ОЗЕРКО

Вода или коварная, или ей в большом своем деле не до того: она плеснет на ходу и бежит,

а, глядишь, после спада на лугу озерко осталось без всякого стока, и в озерке щука, в чистой мелкой воде большая рыбина среди луга, у всех на виду...

В ДЕБРЯХ ОЛЬХИ

Дебри затопленной ольхи, веточки с сережками у самой воды. Струйки всякого рода, прямые, круговые, задумчивые заводи с отражением веток, с сережками, борьба возле застрявших в развилинах деревьев льдин: тут струйки все собираются на помощь друг другу, и шумят, и уносят белую дорогу уплывающих пузырей.

БОЧАГИ

С двух сторон глубокие омуты, а между ними столько песку унесло, что на перекате даже и курица перейдет, и так в середине лета останутся одни бочаги, и сообщение между ними тайное и невидимое: кажется, будто вода стоит в бочагах, а положишь палочку на воду—и она поплывет по течению.

РЕЧКИ ЧЕРНЫЕ И ГОЛУБЫЕ

В лесах я люблю речки с черной водой и желтыми цветами на берегах; в полях реки текут голубые и цветы возле них разные.

ПОДСОСЕННАЯ ЗАВОДЬ

Кубря—прозрачная, глубоководная со своими видимыми с берега чудесными подводными лесами, со своими широкими заводами—пре-

красна, такой прекрасной реки я в жизни своей не видал. Иду тихо по берегу, разглядываю подводные чудеса и плавающих между зелеными растениями рыб. Бывает, эти растения показываются, как зеленый туман, сгрудившийся в облако, и начинаешь думать, что из этой массы может быть, оформясь, и произошли все подводные дива.

Блюдца лилий и нити, идущие от них в глубину, так грациозны, что представляется, будто возникли они от удара тонкого музыкального пальца по клавишам фортепьяно. С одной переходишь глазами по всей реке, и кажется тогда, что все эти подводные растения с их чудесными рыбками вышли из музыки: песенка отзвучала когда-то, а они все тут остались.

Я переполнен счастьем, мне хочется открыть всем глаза на возможности для человека жить прекрасно, дышать таким солнечно-морозным воздухом, смотреть и слушать лилии, угадывать их музыку...

Л Е С Н Ы Е   Г О С Т И

СЛОЖНАЯ ПРОСТОТА

Надо очень дорожить встречей с животными, делать записи даже и без лирического отклика. Я обыкновенно ищу в себе такого отклика,—он бывает побудительным мотивом к писанию. Но случается, просто запишешь, например, что белка переходила по бревну, запишешь без всякого отношения к себе внутреннему,—и выходит, непонятно почему, тоже хорошо. В этом надо упражняться, потому что это уже не натурализм у меня, а что-то очень сложное в своей простоте.

ПУСТЫРЬ

Может быть, когда-то на этом пустыре сосны стояли и их срубили, и, может быть, после, пользуясь добром, оставленным в песке этими соснами, люди растили хлеба. Теперь следа не осталось тут человеческого: все поросло мохом и вереском, сухими цветами—бессмертниками, из-под ног с треском вылетают кузнечики—трескунки на красных и голубых крылышках. Заслышав шорох, спрятался в куст черныш,

в надежде, что авось мимо пройдет человек, очарованный пустынною такой никому не нужной земли. Мы бы и прошли, но Лада почуяла и, как неживая, стала против куста... Мы стали по сторонам куста и прекрасную птицу взяли себе на обед.

ЛЕСНОЙ ОМУТ

Серая бабочка вроде большой моли свалилась и легла в омут на спину треугольником, и так, живая, была как бы распята своими крылышками на воде. Она непрерывно шевелила ножками, от этого сама шевелилась, и все движение маленькой бабочки по всему омуту расходилось частыми кругами с мелкой волной.

Под бабочкой спокойно во множестве плавали головастики, несмотря на волну, как посуху носились наездники, заворачивали свои петли на воде жучки-вертунки, а щуренок у камня в тени стал палочкой,—схватил бы, наверно, бабочку, но, вероятно, там, внизу, не понимал мелкой волны. Под водой, конечно, какая волна!

Но над водой эта мелкая непрерывная волна от бьющейся бабочки в тихом омуте как будто возбуждала всеобщее внимание. Тут и смородина дикая свесила к самой воде свои крупные, зеленые еще ягоды, и отцветшая мать-мачеха росой и водой подсвежала свои листья, и зеленый молодой хмель вьюном поднимался выше и выше на высокую сухую, покрытую длинными зелеными бородами ель, и там, внизу за камнями, куда не заходила волна от трепетной бабочки, опрокинулся весь лес с высоких берегов и до самого синего неба.

По-моему, щуренок рано или поздно вышел бы из своего оцепенения, обратил бы внимание на круги по всему бочагу. Но, глядя на бабочку, я вспомнил свою борьбу: тоже не раз приходилось лежать на спине и в отчаянии биться за свободу руками, ногами и всем, что ни попалося. Вспомнил время своей неволи, ударил по омуту камнем, и такую в омуте поднял волну, что она подняла бабочку, выправила ее и помогла подняться ей на воздух. Так вот своя беда учит понимать и чужую.

ЗВЕРИ

Все бранятся зверем, хуже нет, когда скажут: «вот настоящий зверь». А между тем у зверей этих хранится бездонный запас нежности. Сколько заложено в природе любви—можно видеть, когда дети зверей разлучаются с родной матерью, и на место родной становится чужая.

Маленького слепого лисенка вынули из норы, дали воспитывать молочной кошке, и она вслепую любила его, и он ласкался к ней, как к родной матери.

Окотилась кошка, котят забросили, другая вскоре окотилась в том же лукошке, ей оставили одного. Тогда обе кошки стали кормить одного котенка: родная уйдет, лезет в лукошко чужая, как будто в молоке ее заключается повелительная сила, которая все чужое роднит. И не только волк, даже тигр будет с величайшей нежностью заглядывать в глаза, если человек выходит его и с малых лет станет ему вместо матери.

А у собак перед всеми зверьми особенная

любовь к человеку. Характер этой любви такой же, как любовь слепцов к молочной матери. Собака, выхваченная из дикой жизни, сохранила, вероятно, чувство утраты всей матери-природы и на веру отдалась человеку, как матери. По собаке заметнее всего, какая возможность любви заложена в звере и вообще в дикой природе.

ОТРАЖЕНИЕ

Вода сегодня такая тихая, что кулик над водой и его отражение в воде были совершенно одинаковые: казалось, летели нам навстречу два кулика. Весной в первую прогулку Ладе разрешается гоняться за птичками. Она заметила двух летящих куликов,—они летели прямо на нее, скрытую от них кустиком. Лада наметилась. Какого кулика она избрала себе, настоящего, летящего над водой, или его отражение в воде? Оба были похожи между собой, как две капли воды.

Ладино дело, погоню за летящими куликами, я перевел на свое: погоню за своей какой-то птицей в моем словесном искусстве. Разве все мое дело не в том состоит, чтобы уберечься от погони за призраком?

Вот бедная Лада выбрала себе отражение и, наверно, думая, что сейчас поймает живого кулика, сделала мгновенно с высокого берега скачок и бухнула в воду.

ВРОНЫ

Пробуя ружье, ранил ворону,—она отлетела немного и села на дерево. Другие вороны покру-

жились над нею и улетели, но одна спустилась и села с ней рядом. Я подошел так близко, что всякая ворона непременно бы улетела. Но эта остается сидеть. Как бы теперь узнать, что это было: присела ворона к раненой по чувству связи с ней, как у нас у людей говорят: по дружбе или симпатии? Быть может, эта раненая ворона была дочерью и, как обыкновенно, мать прилетела к ребенку своему для защиты, как у Тургенева описана тетереви́ха-матка: раненая, вся в крови прибежала на манок. Так постоянно бывает в куриной породе.

Но при мысли о хищной вороне является и такая неприятная мысль: вторая-то ворона, присевшая к раненой, быть может, чуяла кровь и, опьяненная мечтой о возможности близкого кровавого пира, села потеснее к обреченной на смерть вороне и уже по возникшему чувству собственности не хотела оставить ее в минуту опасности.

Но если в первом случае есть опасность антропоморфизма, перенесения на ворону человеческого чувства, то в этом последнем случае есть опасность вороно-морфизма, то есть, что если ворона, то уж непременно хищница.

БЕЛИЧЬЯ ПАМЯТЬ

Думаю о белках: понятно, если большой запас, ты помнишь о нем легко, но мы видим сейчас по следам, что вот здесь белка через снег пробилась в мох, достала спрятанные там с осени два ореха, тут же их съела, потом, отбежав десяток метров, опять нырнула, опять оставила в снегу скорлупу от двух-трех орехов

и через несколько метров сделала третью полазку. Нельзя же предположить, что она чуяла орех через талый слой снега и обмерзлого льда. Значит, помнила с осени о двух орехах во мху в стольких-то сантиметрах от ели... Притом, помня, она могла не отмеривать сантиметры, а прямо на-глаз с точностью определять: ныряла и доставала.

ЗЕМЛЕРОЙКА

Вдруг на моих глазах плотно убитая дождями и снегом листва на земле вздыбилась, отдельные листики стали на ребро, потом в другом месте послышался писк и показался хоботок, и потом все животное величиной с наперсток—землеройка.

В новой траншее, прорытой нами вчера, оказалась землеройка. Это самое маленькое позвоночное, над которым все мы ходим в лесу, и может быть даже так, что под каждым шагом нашим в земле живет один или два зверка. Мехом своим землеройка напоминает крота: мех короткий, ровный, плотный, с синеватым отливом. На мышь совсем не похожа: рыльце хоботком, страшно живая, прыгает высоко в банке, дали червя—сразу съела. Петя стал рыть новую траншею, и когда показывался червяк, клал его землеройке в эмалированную кружку в 12 см. высотой.

Было задумано испытать, сколько она может подряд съесть червей. После того на этой же землеройке мы хотели испытать, что она вообще может съесть: давали ей все. В заключение мы решили испробовать, правда ли, что

солнечный прямой луч, как рассказывают, землеройку убивает. Так, убив подземное существо солнечным лучом, мы рассчитывали взвесить ее, смерить, как надо, исследовать внутренности, положить потом в муравейник и так очистить скелет. Да мало ли чего мы хотели! Еще хотели достать крота и посадить их вместе.

Но все наши замыслы так и остались неосуществленными: землеройка выпрыгнула через 12 см. высоты на землю, а земля ей, как рыбе вода, и мгновенно исчезла.

Появление на свет этого необычайного зверка и его мгновенное исчезновение долго не отпускало мысль мою на свободу и все держало ее под землей, куда погружены корни деревьев.

ГУСЬ НА СОЛНЦЕ

Вернулось солнце Гусь запускал свою длинную шею в ведро, доставал себе воду клювом, поплескивал водой на себя, почесывал что-то под каждым пером, шевелил подвижным, как на пружинке, хвостом. А когда все вымыл, все вычистил, то поднял вверх к солнцу высоко свой серебряный, мокро-сверкающий клюв и загоготал.

УТКА

Утка гуляет ночью, а перед зарей, до мороза, спешит к гнезду; если нужно уйти, то прикрывает чем-нибудь яйца. Когда найдешь неприкрытые, значит—она спугнута, и не успела. (Слышал, но не проверил.)

ТЕТЕРЕВА НА ТОКУ

Тетерева на току вызывают на бой, воинственно перекликаются, и тетерки на заре со всех сторон бегут к току. Если испугаешь тетерку и она взлетит, то и самец взлетает, но, я думаю, не потому, что ему тетерка нужна, а хлопанье ее крыльев—для него сигнал опасности.

ЛЕСНЫЕ ЖИЛИЩА

Мы нашли осинку со старым дятловым гнездом, которое сейчас облюбовала пара скворцов. Еще видели одно старое квадратное дупло, очевидно ж е л н ы, и узенькую длинную щелку на осине, из которой выскочила гаечка.

Нашли на елях два гайна¹, темные клубки прутьев, в которых снизу ничего не разглядишь. Оба гайна помещались на елках средней высоты, так что во всем большом лесе белки занимали средний этаж. Нам удалось также застать белку внизу и загнать ее невысоко на дерево. Белка была еще во всем зимнем меху.

Сарычи вились над вершинами деревьев, очевидно, тоже у гнезда. Караульный ворон чуть ли не за полкилометра от своего гнезда с криком совершал свой облет.

С необычайной быстротой промчалась тетерка и удачно ебила полет преследующего ее ястреба. Прوماхнувшись, он разочарованно уселся на сук дерева. У него была белая голова: повидимому, это был кречет или сокол.

---

¹ Беличье гнездо.

Дупла дятлов приходится искать точно так же, как и грибы: все время напряженно смотришь перед собой по сторонам, куда только хватает зрения, и все вниз и вниз, хотя дупла дятлов, конечно, вверху. Это оттого, что именно вот в это время дятлы начинают долбить себе гнезда и роняют светлую посорку на еще темную, не покрытую зеленью землю. По этим посоркам и узнаешь, какое дерево избрал себе дятел. Повидимому, ему не так-то легко выбрать себе подходящее дерево: постоянно видишь вблизи дупла, отработанного дятлом, начала их на этом дереве или на соседних. Замечательно, что огромное большинство найденных нами дупел располагалось непременно под осиновым грибком. Делается это, чтобы предохранить гнезда от дождя, или гриб показывает дятлу выгодное ему, мягкое для долбления место,—мы пока решить не могли.

Интересно было дупло у верхушки небольшой распадающейся от гниения березы. Высота ее—метра четыре, одно дупло было у самого верха, другое делалось немного пониже под грибком. Рядом с этим стволом дерева валялась его верхняя часть, трухлявая, насыщенная, как губка, водой. И самый ствол с дуплом плохо держался,—стоило чуть качнуть его, и он бы свалился. Но, может быть, долбежка была не для гнезда.

БЕРЕСТЯНАЯ ТРУБОЧКА

Я нашел удивительную берестяную трубочку. Весной, когда береста влажная, человек вырежет кусок ее для себя, тогда остальная береста

по кругу начинает свертываться в трубочку. После, вместе с теплом, береста сохнет и все туже и туже закругляется. На следующую весну висят уже на березах трубочки, и так их бывает много, что не обращаешь внимания.

Но сегодня, выискивая дупло, я захотел посмотреть, нет ли чего в такой трубочке. В первой же трубочке я нашел хороший орех, так плотно прихваченный, что с трудом палочкой удалось его вытолкнуть. Вокруг берез не было орешников, и в трубочку орех не мог попасть «сам». По всей вероятности, это его белка спрятала, наверное, понимая, что трубка будет закрываться все крепче и орех не выпадет. Но мало ореха: снизу в трубочке под прикрытием ореха устроился паучишко и всю внутренность ее наполнил паутиной. После мне пришла догадка, что не белка воткнула орех, а ореховка, может быть, выкравшая его из гнезда белки.

ПОСРАМЛЕНИЕ ВОРА

Бьюшка, пока мы разводили машину, занялась двумя костями. Одна сорока, жертвуя собой, подскочила к носу собаки. Другая, когда Бьюшка кинулась на сороку, схватила кость и унесла. Всего было семь сорок, и после первой удачи они повели атаку на вторую кость, но теперь Бьюшка поняла их политику и грызла кость, как будто не обращая на сорок никакого внимания.

Но это состояние вооруженного мира длилось лишь до поры до времени. Одна сорока до того обнаглела, что забыла о сорочьей организации

и за свой страх и риск подошла к морде Бьюшки. Она хотела обратить внимание на себя и в это мгновение выхватить кость

Бьюшка, однако, замысел этот хорошо поняла и не только не бросилась на сороку, а напротив, заметив ее косым глазом, освободила кость и на мгновение отвернула морду в сторону. Это самое мгновение сорока и улучила для нападения: она схватила кость и даже успела повернуться в противоположную сторону, успела ударить крыльями по земле так, что пыль полетела. И только бы, только бы еще одно мгновение, чтобы в воздух подняться, как вдруг Бьюшка схватила ее. Кость выпала

Сорока рванулась и вырвалась, но весь радужный длинный узкий сорочий хвост остался у Бьюшки в зубах и торчал из пасти собаки длинным кинжалом.

Видел ли кто-нибудь сороку без хвоста? Знает ли, в какую смешную и невозможно жалкую птицу превращается эта блестящая воровка куриных и всяких яиц? Бесхвостая сорока села на ближайшее дерево, все другие прилетели к ней. И было видно по всему стрекотанию, по суете, что нет в сорочьем быту большей беды, большего срама, как лишиться сороке хвоста.

НА СВИСТОК

На свисток, кроме рябчика, прилетела та самая ореховка, которая сидела на четырех яйцах и теперь вывела птенцов, безобразных, с огромными ртами. Для них надо много собирать пищи, вот она и юлит. Прилетели две местные гаечки, дупла которых мы никак не можем

найти: придется как-нибудь последить за ними. С большой высоты (просто удивительно, как он мог расслышать такой слабый звук) спустился ястреб-тетеревятник, парил на месте, разглядывая рябчика, и вдруг, заметив меня, бросился, как угорелый.

Это были местные жители—ведь в большом, неизвестном лесу почти каждое существо живет на определенном клочке, и среди них только очень немногие мигрируют (если не считать сезонных перелетов).

САРЫЧ

Сарыч еще дремал на суке в полдерева. Бесшумно я подкатил к нему на велосипеде и стал для отдыха в ту самую позу, которую велосипедист принимает, беседуя с возлюбленной: она что-нибудь делает. Пусть полет огурцы, а он, опираясь—как «гусар на саблю»—на раму велосипеда, сверху ей улыбается. Сарыч, однако, учуял меня, перевернулся весь ко мне, опознал человека, опять перевернулся в прежнее положение и, улетаая, развернул свои огромные крылья.

ТРИ НОРЫ

Сегодня возле барсучьей норы вспомнил три норы на Желтой круче в Кабардино-Балкарии. Там, разобрав следы на песке, прочитал я большую историю сожительства барсука, лисицы и дикого кота.

Нору выкопал барсук для себя, но в эту нору подвалили к нему в сожительство лисица и кот.

Неопрятная лисица своей вонью скоро выжила барсука и кота. Барсук тогда выкопал себе нору повыше и поселился в ней вместе с котом, а вонючка-лисица осталась в старой норе.

ЩУКА

В нашей ставной сети щука остановилась и так запуталась, что стояла неподвижная, как сук. И лягушка села на нее и так присосалась, что мы долго не могли ее оторвать от щуки даже палкой.

Так вот щука, на что уж подвижной, сильный, страшный хищник, и то—вот стоило ей только остановиться—и сейчас же лягушка насела. Оттого, вероятно, хищники в своих злодействах никогда не останавливаются.

КРОТ

Крот выкопал себе нору и отдал земле свои глаза, и вывернул себе лапы, чтобы удобней было копать, и стал жить по законам земли на всех правах подземного жителя. Но подкралась вода и залила кротовую родину. Для чего это нужно ей было, по какому закону и праву она подобралась к мирному жителю и выгнала его на свет?

Крот сделал перемычку, но под давлением воды перемычка распалась, он сделал вторую, потом третью; четвертую сделать не успел, вода хлынула, и он с большим трудом должен был выбраться темный, слепой в подсолнечный мир. Он плыл по широкой воде и не думал, конечно, и не мог допустить себе в голову

какой-нибудь протест и крикнуть воде: «Ужо тебе», крикнуть, как Евгений Медному всаднику. Крот плыл в ужасе, но без протеста; это не он, а я за него, я, человек, сын похитителя огня. стал против коварной силы воды.

Это я, человек, взялся строить плотину против воды. И сошлось нас тут много, и вышла наша плотина великая на славу.

А крот мой переменял хозяина и стал зависеть не от воды, а от человека.

СЛЕД БАРСУКА

На траве, седой от росы, был большой след, который я принимал за след человека. Мне до того хотелось быть одному на охоте, что след другого человека меня испугал, как Робинзона. Но мало-по-малу я догадался: это не человек, а барсук возвращался рано утром в нору из ночных своих походов.

ПТИЦЫ

Молодой сарыч, огромно нелепый и вялый, вылетел из чащи на поляну и неумело сел на самый нижний сук дерева.

☆

Рябчики выпорхнули и расселись по елкам и березкам, маленькие—в воробья, а уже отлично летают, и сторожкие, совсем как большие. Мать близко сидит на березе, очень сдержанно и глухо дает им знать о себе, и когда издаст звук, хвостик у нее покачивается.

КОРМЛЕНИЕ

Почти каждая птица появляется с червем в носу и, несмотря на это, пищит.

Сарыч, когда низко летит над лесом, иногда в это время почему-то кряхтит, не свистит, как обыкновенно, а именно кряхтит: этот звук у него, наверно, связан с кормлением детей.

Сегодня наблюдал, как чайка, не выпуская червяка, присела на сучок отдохнуть и почесала в одно мгновение о сучок попеременно обе щеки.

ЗАКАТ

Весь день было переменнно: то моросило, то прояснивало. В лесу, когда прояснивало, вспоминалась своя прежняя боль, и как эту боль отпускало: лес теперь, казалось мне, был болен той же болезнью. Вдруг сорока крикнула совсем по-другому, похоже было на галку, и через этот крик впервые я понял родство между этими столь разными птицами. Дятел, как будто не веря перемене погоды, не стучал по стволу, как дятел, а как маленький ползун, опрокинувшись, бегал по стволу и ронял вниз посорки. Как только погода утвердилась, дятел принялся за свою долбню.

Закат солнца был невидим, но после долго в облаках горело и светило в промежутках черных стволов.

НА ПЕСКЕ

Жарко и сухо. На Крючикове стоит береза, и под ней осыпается песок вниз в овраг. Корни

из года в год обнажаются, и береза скоро вся упадет. Но много ли места нужно, чтобы птичке порадоваться! На песке возле корней та самая трясогузка, в образе которой еще в древнем Египте художники представляли душу человеческую. И вот сейчас прилетел к трясогузке самец, распустил крылышки, надулся и петушком медленно, чиркая концами крыльев по песку, сделал круг полный и потоптал свою самочку.

ВОРОНА И КРЫСА

Видел по пути множество уток и пролетающих гусей. Еще видел, как пять ворон пытались схватить водяную крысу и та им все не давалась, и наконец одна ворона ухватила крысу за хвост и благополучно бы завладела ею, но другие вороны набросились, она растерялась, выронила крысу, и началась та же борьба.

Выслушав этот рассказ, наш егерь рассказал о таком же случае борьбы вороны с горностаем и как горностаю впился в нее: ворона едва стряхнула, и поспешила на дерево, и все оттуда с опаской смотрела в сторону, где был горностаю

ВАЛЬДШНЕНЫ

Над муравейником на елке так странно тикала какая-то птица, и я по этому звуку, слышанному мной, но забытому, никак не мог догадаться, какая она. Трудно было и разглядеть в густоте, пришлось тихо стоять и ждать событий

Но комары кусали, я взял ветку рябины, и как только махнул, рядом в осиннике, очень

частом, всполыхнулась, застряла в кроне дерева и едва выбилась какая-то птица.

Тогда я почему-то сразу догадался и вспомнил звук, издаваемый птицей-матерью на елке: это была семья вальдшнепов. Слышал и читал о том, что самка вальдшнепа при опасности подхватывает птенца и летит с ним. Сам не видал.

ПОД СНЕГОМ

Удалось слышать, как мышь под снегом грызла корешок.

ДЯТЕЛ

Видел дятла: летел короткий (хвостик у него ведь маленький), насадив себе на клюв большую аловую шишку. Он сел на березу, где у него была мастерская для шелушения шишек. Пробежав вверх по стволу с шишкой на клюве до знакомого места, он увидел, что в развилине, где у него защемляются шишки, торчала отработанная и несброшенная шишка, и новую шишку ему некуда было девать. И нельзя было ему, нечем было сбросить старую: клюв был занят.

Тогда дятел, совсем как сделал бы в его положении человек, новую шишку зажал между грудью своей и деревом, а освобожденным клювом быстро выбросил старую шишку, потом новую поместил в свою мастерскую и заработал.

Такой он умный, всегда бодрый, оживленный и деловой.

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

Опять морозная ночь. Утром на поле увидел группу уцелевших голубых колокольчиков,—

на одном из них сидел шмель. Я сорвал колокольчик, шмель не слетел, стряхнул шмеля, он упал. Я положил его под горячий луч, он ожил, оправился и полетел. А на раковой шейке точно так же за ночь оцепенела красная стрекоза и на моих глазах оправилась под горячим лучом и полетела. И кузнечики в огромном числе стали сыпаться из-под ног, а среди них были трескунки, взлетающие с треском вверх, голубые и ярко-красные.

СИЛАЧ

Земля, разрыхленная муравьиной работой, сверху покрылась брусникой, а под ягодой зародился гриб и, мало-по-малу напирая своей упругой шляпкой, поднял вверх над собой целый свод с брусникой, и сам, совершенно белый, показался на свет.

БАРСУКИ

Поехал зимой около рождества на пойму за сеном, шевельнул вилами стог, а в нем барсук зимовал.

А то еще было: ребяташки собрались бить барсуков. Пустили в нору собаку. Барсучиха выбежала. Увидели ребяташки, что барсучиха тихо бегаёт, что можно догнать, не стали стрелять и бросились за ней. Догнали. Что делать? Ружья побросали у нор, палок в руках нет, голыми руками взять боязно. А между тем барсучиха нашла себе новый ход под землю и скрылась. Собака вытащила гнездо и барсучонка: порядочный, с хорошего щенка.

ПОЧЕВКИ ЗАЙЦА

Со мной шел маленький Миша по заячьему следу. Вчера моя собака пригнала этого зайца сюда к самому городу из далекого леса. Интересно было узнать, вернулся ли заяц на старое место в лес, либо на некоторое время остался жить здесь около людей в парке или хорошо заросшем овраге.

Обошли... Если он возвратился, то по третьему следу. Нашли третий. Я сказал: «По тому следу он возвратился к себе в старый лес». След был свеженький. Мише и представилось, что заяц только что прошел. «Где же он ночевал?»—спросил Миша.

На мгновение вопрос этот сбил меня с толку, но я опомнился и ответил. «Это мы ночуем, а заяц ночью живет: ночью он прошел здесь, а дnevать ушел в лес, и там теперь он лежит, отдыхает. Это мы ночуем, а зайцы днюют, и им днем гораздо страшнее, чем нам ночью».

ЗАПОЗДАЛАЯ КРЯКВА

В крутых берегах, в густом ольшанике, речка сужалась до того, что ее можно было перескочить. Тут и от лесного тепла и от силы течения вода не замерзала, и тут задержалась и коротала последние деньки перед зимой запоздалая кряква. Не видя ее в густом ольшанике, мы услышали только шум взлета, крик, и выстрелить удалось, только когда она была высоко над ольхой. Одна из дробинок попала ей в крыло, которое сломалось, кряква полетела вниз головой, как бутылка.

Подстреленная в крыло кряква ищет обыкновенно спасенья в воде, ныряет и затаивается в корнях, высунув только свой темный незаметный носик. Случается, охотник из сил выбьется: вот же тут упала, сам видел, своими глазами, а найти никак не может.

То место, где кряква таилась у быстрой воды, было как раз поворотное: речка отсюда повертывает, расширяясь на плесе, как пруд, и тут она на спокойном открытом месте замерзла, сохранив на поверхности вид совершенно прозрачной воды.

Падая на эту поверхность вниз головой, кряква собралась было нырнуть, и вдруг ударилась. Лед не проломился от удара. Ошеломленная кряква поднялась и пошла на своих красных лапках. Бьюшка, увидев, бросилась за ней, но провалилась, вернулась, подумала и, опять, растопыря лапы, раскорякой, медленно пошла, пошла и добрала...

СОРОКА

Мы дожидались возвращения гончей и глядели на дальнюю опушку леса через поле, где долго гоняли лисицу. Лисица давно уже понорилась, а Трубач не возвращался. Вглядываясь в опушку леса, мы увидали в бинокль, что на одном дереве сидела сорока с опущенным хвостом. Тогда мы догадались, что она глядела куда-то вниз и что-то пережидала.

Подумали немного, и все стало ясно: там лежала внизу падаль, и, вероятно, кто-то над ней хозяйствовал, а сорока дожидалась, когда этот «кто-то» уйдет. Мы пошли туда, и, оказа-

лось, правда: наш Трубач терзал дохлого барана.

СТРОИТЕЛЬСТВО КАНАЛА

Тот ум, которым все живут в природе, перенимая его от предков: иные прямо в утробе матери, чтобы, выйдя на свет, прямо же встать на четыре ноги, протянуть губы к сосцам, иные наживают его в гнезде, чтобы потом без всякого ученья броситься вниз и полететь,—этот всеобщий и как бы задний ум всей природы встретился с умом передним, человеческим, в котором зарождаются всякие планы, и вот началась кутерьма у зверей: все мечутся в поисках своего прежнего логова, лежки, домика...

ПАУКИ

Дожди замучили. Мало обещает и нынешний вечер: солнце село в плотную синюю завесу. Долго я дожидался в надежде, что хоть под самый конец выглянет солнце и я уеду с надеждой на долгожданное росистое утро, когда можно фотографировать орошенные сети пауков. Нет! Синяя завеса разорвалась только, уж когда солнце село, и тогда на синее вышла красная птица, а в другом месте сидел на коне красный человек.

Ночевал я вместе с хозяйским сыном Сережей в сенном сарае, у самой вырубке, на которой я наблюдаю жизнь лесных ткачей—тенетных пауков, с крестом на своем бочонке. Сверкала отдаленная молния, и через щелки сарая, сквозь мои закрытые веки, этот свет молнии начинал в моей голове нелепые повести. Так,

между прочим, снилось мне, будто люди додумались использовать для чего-то паутину и, чтобы в ночное время заставить пауков работать, осветили леса прожекторами. Рано утром, до восхода, пришла к сараю мать Сережи Домна Ивановна и стала его будить:

— Молотить пора, вставай, Сережа!

— Работают ли пауки?—спросил я.

Хозяйка моя уже приучена и заинтересована моими наблюдениями. Через короткое время она отвечает:

— Плохо.

— Ну, плохо же,—говорю я,—верно, быть дождю, а ведь гумно-то у вас некрытое.

— Ничего не поделаешь,—ответила Домна Ивановна,—старой муки и на колобок не осталось, помолотим, сколько успеем, а там будет видно.

Сережа встал и пошел молотить.

Выйдя из сарая, я увидел в небе борьбу света с темными облаками, и впечатление оставалось такое, что солнце победит. А роса была уже сильная. Утро определилось серым, роса же обильная, так обыкновенно не бывает.

Я обрадовался росисто-серому утру и пошел снимать работу пауков в надежде, что солнце не будет мешать мне ореолами и при плохой погоде снимки с выдержкой выйдут у меня лучше моментальных солнечных. Когда же я пришел на вчерашнее место, то не только новых сетей, но не нашел и старых. Предполагаю, что сети за сутки просто истрепались, изодрала мошкара. По всей вероятности, пауки делают сети в предрассветный час. Но как раз ночью сегодня сверкала молния, и можно было ожидать ненастья.

И они не работали.

Впрочем, не было того, чтобы они совсем не работали: там и тут, в особенности на земле, виднелись сети, но это была ничтожная часть в сравнении с тем, что бывает в светозарное утро. Поглядев на эти сети немногих пауков, я подумал: значит, и пауки неодинаковы, есть поумней и поглупей.

После часовой борьбы за свет с тучами солнце наконец осилило.

Быть может, пауки и начали бы работу, но очень сильная была роса. Нет! Скорей всего еще в предрассветный час пауки уже предчувствовали ненастье.

У птиц тоже не было обычного оживления. Тетерева совершенно молчали. Вот это уж не обманывало. Журавли молчали на пойме. Ястреба—и то не так часто попадались, как обыкновенно. Потом стало чрезвычайно тихо, душно и раздумчиво, как бывает перед грозой. События в атмосфере нарастали с такой быстротой, что не только домой бежать, но успеть бы только найти для защиты от ливня хорошую ель.

И только я устроился, как грянула гроза и ливень. Но я такую нашел ель, что, будь целый день ливень, на меня бы и не капнуло. Как люблю я сидеть при сильном дожде под елкой и думать. Зверушки, птицы в это время точно так же сидят. Да, думать... Но самое замечательное, что можно и не думать, и еще больше, дойдешь до такого счастья, что скажешь себе: «Не думай, сиди так, пахнет хорошо и слушай!» И вот сидишь и ничего совершенно не думаешь: только слышишь и чуешь. Так, вероятно, и зверушки сидят.

Дождь оказался бесконечным, я вылез из-под елки и пошел себе под дождем домой. В деревне был переполох, решительно все обманулись погодой и теперь с ругательством мокрые возвращались с работы. Увидев свою хозяйку, я сказал: «Вот видите, Домна Ивановна, пауки, оказывается, лучше нас понимают: только редкий вышел на работу из пауков, а у нас все обманулись». — «А как же?» — ответила Домна Ивановна и впиалась в меня своими глазами, маленькими, как муравьиные головки.

В деревне вечером очень пахло овинами. Оранжевая заря задержалась, и на ней долго оставались силуэты избушек, овинов, лозин. Под самый конец на луга пробрался белый, низкий, плотный туман, и потом началась сильно звездная ночь.

Тот украдчивый туман, что вчера выполз на луга, перед восходом солнца встал, и когда солнце взошло, быстро свернулся белой радугой и разошелся. Пала самая сильная матовая роса. Затоковали тетерева. На пойме закричали журавли. Паутины так много, что собака приходит слепая. На лугах все цветочки связаны паутиной и непременно висит паучья ловчая сеть, в росе похожая на кружево. Особенно красивы эти зарошенные сети на фоне темных елок. Я начал снимать не только самые сети, но также и способ их прикрепления. Тончайший жемчуг росы на паутинках часто сиял на солнце радугой, и главное, что все эти удивительно красивые сложные сооружения, казалось, сами возникли из росы и солнца, как

в сказке, и так получалось все, что, воистину ни в сказке сказать, ни пером описать.

Вечером курятся овины и пахнет дымком почему-то особенно сильно, когда молодой месяц уходит за черный бор. Утром на восходе роса заливает травы и пахнет сладко хлебом из каждой избы. Колхозники дождались нови.

Серпик луны, довольно уже толстенький, несколько задержался над черным бором. Ночь была прохладная, звездная. Солнце же взошло не совсем чисто. Я пробовал снять его с лучами, стремящимися вверх из-за облака.

Обильная роса сразу обозначила все ловушки пауков и воздушные и наземные. Сегодня я разобрал, что наземные ловушки тоже не так просты, как кажутся, что обыкновенно они представляют из себя маленькие шатры, вершина которых прицеплена к соломинке или цветку.

Разглядывая первую воздушную ловушку, я добрался до телефонной станции; ловушка была устроена на ветке ивы, засохшей, потому что заяц обглодал ее кору; телефонная же станция заключалась в скорченном засохшем листике, окруженном паутиной, вероятно, чтобы не разворачивался. Сам хозяин сидел внутри и не выходил даже на мои колебания сигнальной паутины, вероятно, боялся росы, которая вообще не дает ходу паукам.

Еще я видел такое же устройство на березе, подрезанной и засохшей, и делаю предположение, что пауки любят устраиваться на засохших растениях: чем-то удобней на них, может быть, и улов больше.

В елках жилище паука бывает под лапкой, часто перетянутой паутиной, чтобы хвоинки не пропускали дождя. Точно так же устроено и в можжевельниках. До чего тяжела становится паутина с росой, что ветки можжевельника сгибаются аркой, а цветочки, притянутые пауками к строительству, иногда сгибаются до самой земли.

Иные пауки вышли, чтобы хватать добычу, иные строили сети, иные чинили поврежденные. Я выбрал себе одного средней величины. Его ловушка была между маленькой елкой и сосенкой. На другой стороне этой же елки, совсем по соседству, работал другой хозяин. У меня есть догадка, что пауки делают свои сети в пред-рассветный час, до росы. Мой же паук по какой-то причине не успел закончить свою сеть до росы и теперь продолжал. Роса, впрочем, еще не совсем сошла, так что я мог и наблюдать его работу и фотографировать.

В заутренний час были построены пауком все радиусы круга, и на них у концов обведено уже несколько кругов. Мне показалось, что радиусы сделаны из более тонкого материала, чем круги, но, возможно, это обманывала роса, сохранившаяся на кругах. За бóльшую тонкость лучей— радиусов говорит еще то, что паутинный круг, покрытый росой, в центре своем кажется пустым, хотя, если присмотреться ближе, частые радиусы вовсе не обрываются, а сходятся в точку. В лупу я следил за работой на самом близком расстоянии. Почему-то паук не боялся меня и вообще относился ко мне приблизительно так же, как я к солнцу, которое тоже смотрело на мою работу, но не мешало. Собственно,

рабочих инструментов, как мне показалось, у паука было два—одной лапкой он притягивал ту паутину, к которой должна быть приставлена новая, другой подхватывал выпускаемую паутину и притютюкивал: тюк, и готово; и опять притягивается место прикрепления, и опять: тюк!—волшебный грациозный бросок, и вот радужным светом сверкает на солнце новая созданная часть ловушки. Иногда легкое дуновение ветерка колебало сеть, и паук не совсем точно на желаемом месте скреплял концы; иногда мельчайшее насекомое, пролетая, задевало, да и мало ли что еще: вероятно, и я тоже чуть-чуть колебал нити своим дыханием.

От всего этого работа получалась не совсем машинная, а как бы ручная, и как все делается в природе: ведь ни один листик на дереве не сложится точно с другим.

Я хотел фотографировать паука на самом близком расстоянии, допускаемом линзой, всего в восьми сантиметрах, но при этом чуть-чуть, вероятно, задел сеть. Паук мгновенно бросил работу и быстро убежал на свою телефонную станцию. Почему же он не принял моего толчка за те колебания, которые происходят, когда попадет в сеть насекомое? Вероятно, он это понимает.

С другой стороны той же елки работал другой хозяин поменьше, но не строил вновь, а только чинил свою сеть. Что это близкое соседство двух пауков—случайное? Они сошлись тут потому, что по всем расчетам это самое удобное место для лова? Или, может быть, малый паук—самец?

Невольно я поддался не научному наблюдению, а, так сказать, д а ч н о м у антропоморфизму и анимизму, которые приносят такой ужасный вред нашему пониманию мира, как органического целого: довольно одному такому «дачнику», представляющему собой радиовещательную станцию, создать легенду, как миллионы приемников на сотни лет повторяют нелепую выдумку.

К легенде присоединяется какой-нибудь миф, и вот осел, возможно, умнейшее животное, навсегда о с е л. Может быть, только через тысячелетия козел освободится от чорта и осел от «о с л а», и за все эти тысячелетия каждый отдельный, скажем, л и ч н ы й козел ведь непременно же должен из-за чорта и осел из-за какого-то «осла» быть в жизни своего рода лишенцем.

А паук? Все соединяют с образом его кровопийцу, пузатого кулака. Содрогаются от одного только вида: пузатый и с такими длинными лапами. Возможно, далекие наши азиатские предки—кочевники гибли от скорпионов, и страх перешел на этих мирных артистов труда, охотников, влекущих за собой целый шар материалов для постройки своих ловушек.

Почему ласточки, уничтожающие тысячами драгоценных нам пчел, пользуются общей симпатией? Потому ли, что они красивы? Какой вздор! Если всмотреться, то паук, работающий в росе и солнце, в тысячу раз красивей и умней ласточки, но дело в том, что всмотреться трудно!

Я не мог фотографировать против солнца и вместо этого с часами в руках следил за работой

очинки, прикидывая, во сколько времени паук может сделать сеть в четверть аршина диаметром. У меня получалось, что на это понадобится ему час-два: очень скоро работают.

Вернувшись к наблюдению за первым пауком, я увидел там в центре ловушки что-то большое и большую возню. Это попалась большая серая муха с зеленой головой, та «дурная муха», от укуса которой сильно вздувается кожа. Паук с невероятным проворством опутывал ее паутиной и, сделав из нее совершенно неподвижную мумию, схватил ее ловко и быстро унес к себе на телефонную станцию под лапку ели.

Минут через пятнадцать, не более, он выпил из дурной мухи жизнь и вернулся заделывать дыры в сети, причиненные борьбой с большой мухой. Работа его была ритмически мерная. Я и снимал, и любовался, вдумываясь и разрушая вековую неправду о пауках, сознавая радостно, что мне воистину за это прощается сорок моих грехов.

Между прочим, по соседству со мной работал тоже полезнейший дятел, доктор деревьев. Время от времени я обращал внимание на его долбню и удивлялся, какая же, значит, у него здоровенная шея, если может давать столь сильный толчок длинному клюву. Желна—эта черная птица с огненной головой—где-то неподвижно жалобно пищала. Ныл канюк. Драла горло сойка. Время от времени давали свои сигналы на пойме многочисленные журавли.

Солнце взошло чистое. Роса. Жаркий день. Муха и комар во всей силе, и это мне приходится замечать впервые, чтобы после Ильина дня гнус не уменьшался. На осине в десять утра застал

глухаря. Вероятно, он с вечера клевал лист, заночевал, клевал поутру и задержался.

Сегодня наблюдал жизнь паука просто в сухом листе, который держался в воздухе на паутине; сигнальная паутина отсюда шла к ловушке, которая была под тяжестью росы так тяжела, что ветка можжевельника согнулась аркой.

Еще я видел гнездо паучье в живом еще, но скорченном листе, на обратной стороне которого были вздутия величиной в брусничину,— в них, наверно, и были заделаны яички.

Еще очень красива была сухая береза, вся сплошь покрытая сетями пауков-охотников. Я пробовал это снимать, но солнце давало ореол, а отклониться нельзя было из-за того, что сетки пауков становились неосвещенными.

Еще видел, как один паук, несмотря на росу, принялся доделывать сеть и устроил ее всю не более, как в полчаса. На моих глазах он поймал карамору и еще муху, а мошкары попадались такое множество, что он не обращал на нее никакого внимания, а может быть, даже и был недоволен, потому что каждая немного надрывала сеть.

Читал с огорчением одну книгу, в которой паук изображается злостным хищником, кровопийцей, порождением мрака. Но как же так? Паук—живая рабочая тварь, плетет сети, ловит добычу... Какая же разница в таком случае с рыбаком! Спросил об этом Домну Ивановну, она возмутилась: «Какие глупости вам приходят в голову, рыбаки же дело делают».—«Так и пауки же,—сказал я,—тоже дело делают:

не будь их, нас бы совсем мухи заели». И рыбаки разве иначе живут? Совершенно так же ловят живую тварь, поедают, остатки продают, на выручку прикупают веревки, нитки, ткнут новые сети, строят новые лодки, рожают новых рыбаков, выхаживают. И пауки так...

Домна Ивановна слушать меня не стала.

Сегодня солнце скорее прежнего расправилось с росой, и когда я захотел проверить ловушки, то не мог ничего увидеть ни на ветках, ни на земле. Вот только сейчас я наслаждался великой красотой этого сказочного царства, и вдруг оно все стало невидимо. Как в поисках шапки-невидимки, я иногда задевал лицом или рукой паутину только для того, чтобы убедиться в существовании невидимого паутинного царства, этого лесного Манчестера. Единственное, что выдавало паутину—это сам паук, особенно когда он был большой.

ДИЭТА

Я стоял на тяге там, где всю зиму лоси стояли и где каждая осинка была окольцована зубами лосей и каждое белое кольцо сложилось из длинных полосок шириной в лосиный зуб. Из сломанного сучка соседней березы время от времени собиралась самая светлая, самая чистая капля, и я ловил ее языком.

И думал я, что легче так жаждущему человеку от этих капель напиться, чем огромному лосю наесться полосками осиновой коры, шириной в зуб. И, конечно, неправильно, что мы столько едим. По возвращении домой устанавливаю себе подмаривающую диету и спанье на воздухе в спальном мешке.

ЦАПЛЯ

Ночью в избе стало очень душно. Я вышел на крыльцо и сел на лавочку. Звездное небо все было в облачных пятнах. Медведица без хвоста, Плеяды вовсе исчезли. Все двигалось и переменялось. То вдруг открывался хвост Медведицы, то закрывалась кастрюля. Вдали же играла зарница.

Чувство всей жизни по себе самому, свойственное мне в хорошие часы, охватило меня, и вдруг в эту минуту я услышал в небе знакомый мне—осенний, совершенно как человеческий—крик: «А!» Через полминуты крик этот повторился вдали много слабее, и еще ровно через такой же промежуток опять чуть слышно повторился еще раз. А потом я, вероятно, не слышал, а только по догадке понял направление полета цапли—оттуда все слышал и слышал это очень странное цаплино «А!»

Вскоре из хаоса определилась туча, сверкнула молния, пошел теплый летний дождь. Тогда в комнате стало возможно открыть все окна, потому что комары в дождь не влетают, и в прохладе под шумок так приятно стало дремать и понимать весь мир в себе самом.

ГОСТИ

Гости у нас были. От штабелей дров рядом (два года лежат в ожидании большой воды) пришла к нам трясогузка, просто из любопытства, только чтобы на нас поглядеть. Мы рассчитали, что нам этих дров хватило бы для отопления лет на пятьдесят—вот сколько их было!

И за несколько лет лежки бесполезной на ветру, под дождями и на солнце дрова эти потемнели, многие штабеля наклонились друг к другу, некоторые живописно рассыпались. Множество насекомых развелось в гниющих дровах, и в громадном числе тут поселились трясогузки. Мы скоро открыли способ, как снимать этих маленьких птичек на близком расстоянии: если она сидит на той стороне штабеля и надо ее к себе подзвать, для этого надо показаться издали и тут же от нее спрятаться. Тогда трясогузка, заинтересованная, побежит по краешку штабеля и с уголка заглянет на тебя, и ты увидишь ее на том самом полence, куда заранее навел аппарат.

Бывает очень похоже на игру в палочки-постукалочки, только там дети играют, а тут я, старый человек, играю с птичкой.

Прилетел журавль и сел на той стороне речки в желтом болоте среди кочек и стал, наклонившись, разгуливать.

Скопа, рыбный хищник, прилетела и, высматривая себе внизу добычу, останавливалась в воздухе, пряла крыльями.

Коршун, с круглой выемкой на хвосте, прилетел и парил высоко.

Придетел болотный лунь, большой любитель птичьих яиц. Тогда все трясогузки вылетели из дров и помчались за ним, как комары. К трясогузкам вскоре присоединились вороны, сторожа своих гнезд. У громадного хищника был очень жалкий вид, этакая махина и мчится в ужасе, улепetyвает, удирает во все лопатки.

Слышалось «ву-ву» у витютней.

Неустанно куковала в бору кукушка.

Цапля вымахнула из сухих старых тростников.

Совсем рядом бормотал неустанно тетерев. Болотная овсянка плакала и раскачивалась на одной тоненькой тростинке.

Землеройка пискнула в старой листве.

И когда стало еще теплей, то листья черемухи, как птички с зелеными крылышками, тоже, как гости, прилетели и сели, фиолетовая анемона пришла, волчье лыко и так дальше, пока не стали показываться в зеленых почках все этажи леса.

Еще была ранняя ива, и к ней прилетела пчела, и шмель загудел, и бабочка сложила крылышки.

Лисица, лохматая, озабоченная, мелькнула в тростниках.

Гадюка просыхала, свернувшись на кочке.

И казалось, этому чудесному времени не будет конца. Но сегодня, перепрыгивая с кочки на кочку в болоте, я что-то заметил в воде, наклонился и увидел там бесчисленное множество комариных жгутиков.

Пройдет еще немного, они окрылятся, выйдут из воды и станут ногами на воду, для них твердую, соберутся с духом, полетят и загудят. Тогда солнечный день станет серым от кровопивцев. Но эта великая армия охраняет девственность болотного леса и не дает дачникам использовать красоту этих девственных мест.

Пошла плотва. Приехали на лодке два рыбака. И когда мы сложились, чтобы уехать, тут же на нашем месте они развели костер, повесили котелок, поскоблили плотву и потом без хлеба хлебали уху и ели рыбу.

На этом единственном сухом местечке, наверно, и первобытный рыбак тоже разводил костры, и тут же стала наша машина. Когда же мы сняли и палатку, в которой у нас была кухня, то на место палатки прилетели овсянки что-то клевать. И это были наши последние гости.

ВРЕМЕНА ГОДА

Времена года любят напризнавать, но по существу вернее их ничего нет на свете: весна, лето, осень, зима.

НАЧАЛО ВЕСНЫ СВЕТА

Восемнадцатого января утром было—20, а среди дня с крыши капало. Этот день весь с утра до ночи как бы цвел и блестел, как кристалл. Ели, засыпанные снегом, стояли как алебастровые и весь день сменяли цвет от розового до голубого. На небе долго провисел обрывок бледного месяца, внизу же, по горизонту, распределялись цвета. Все в этом первом дне весны света было прекрасно, и мы провели его на охоте. Несмотря на сильный мороз, зайцы ложились плотно и не в болотах, как им полагается ложиться в мороз, а на полях, в кустиках, в островках близ опушки.

РУБИНОВЫЙ ГЛАЗ

Морозная тишина. Вечереет. Темнеют кусты неодетого леса, будто это сам лес собирает к ночи свои думы. Через тьму кустов глядит

солнце рубиновым глазом, через кусты этот красный глаз не больше человеческого.

ВЕСЕННИЙ МОРОЗ

Мороз и северная буря этой ночью ворвались в дело солнца и столько напутали: даже голубые фиалки были покрыты кристаллами снега и ломались в руках, и казалось, даже солнцу этим утром было стыдно в таком сраме вставать. Не легко было все поправить, но солнце весной не может быть посрамлено, и уже в восьмом часу утра на придорожной луже, открытой солнечным лучам, поскакали наездники.

ГОЛУБЫЕ ТЕНИ

Возобновилась тишина, морозная и светлая. Вчерашняя пороша лежит по насту, как пудра со сверкающими блестками. Наст нигде не проваливается и на поле, на солнце, держит еще лучше, чем в тени. Каждый кустик старого полынка, репейника, былинки, травинки, как в зеркало, глядится в эту сверкающую порошу и видит себя голубым и прекрасным. Я пробовал это снимать в логу, где много нагоптала лисица.

МЕДЛЕННАЯ ВЕСНА

Ночью не было мороза. День сложился серый, но не теплый. Весна, конечно, движется: в пруду, еще не совсем растаявшем, лягушки высунулись, урчат вполголоса. И это похоже, будто

вдали по шоссе катят к нам сотни телег. Продолжается пахота. Исчезают последние клочки снега. Но нет того парного тепла от земли, нет уюта возле воды. Нам этот ход весны кажется медленным, хотя весна все-таки ранняя. Неуютно кажется потому, что снега не было зимой, выпал он недавно, и теперь преждевременно открытая земля не по времени холодна. Орех цветет, но еще не пылит, птичка зацепит сережки, и еще нет дымка. Листва из-под снега вышла плотно слежалая, серая.

Вчера вальдшнеп воткнул нос в эту листву, чтобы достать из-под нее червяка; в это время мы подошли, и он вынужден был взлететь, не сбросив с клюва надетый слой листьев старой осины. Я успел его убить, и мы сосчитали: на клюве у него было надето десять старых осиновых листиков.

ДОРОГА В КОНЦЕ МАРТА

Днем слетаются на весеннюю дорогу кормиться все весенние птицы, ночью, чтобы не вязнуть до ушей в зернистом снегу, по дороге проходят звери. И долго еще по рыжей дороге, по навозу, предохраняющему лед от таяния, будет ездить человек на санях. Дорога мало-помалу делается плотной для бегущих к ней весенних ручьев. Человек со своим мальчуганом ехал на санях, когда из ручьев на одной стороне дороги слилось целое озеро. С большой силой давила вода на плотину, и когда новый поток прибавил воды, плотина не выдержала, разломилась, и шумный поток пересек путь едущим на санях.

ПРИРОДНЫЕ БАРОМЕТРЫ

То дождик, то солнышко. Я снимал свой ручей, и когда промочил ногу и хотел сесть на муравьиную кочку (по зимней привычке), то заметил, что муравьи выползли и плотной массой, один к одному, сидели и ждали чего-то или приходили в себя перед началом работы. А несколько дней тому назад перед большим морозом тоже было очень тепло, и мы дивились, почему нет муравьев, почему береза еще не дает сока. После того хватил ночной мороз в 18 градусов, и теперь нам стало понятно: и береза, и муравьи знали это по ледяной земле. Теперь же земля растаяла и береза дала сок, и муравьи выползают.

ВЕСЕННИЙ РУЧЕЙ

Слушал на тяге воду. По луговой ложине вода катилась бесшумно, только иногда встречались струйка со струйкой, и от этого всплескивало. И слушая, ожидая следующий всплеск, спрашивал я себя, отчего это? Может быть, там вверху снег, из-под которого вытекал ручей, время от времени обваливался, и это событие в жизни ручья здесь передавалось столкновением струек, а может быть... Мало что может быть! Ведь если только вникнуть в жизнь одного весеннего ручья, то окажется, что понять ее в совершенстве можно только, если понять жизнь вселенной, проведенной через себя самого.

ПЕРВЫЕ РУЧЬИ

Я услышал легкий с голубиным гульканьем взлет птицы и бросился к собаке проверить,

правда ли, что это прилетели вальдшнепы. Но Кента спокойно бегала. Я вернулся назад любоваться разливом и опять услышал на ходу тот же самый голубино-гулькающий звук. И еще и еще. Наконец я догадался не двигаться больше, когда послышится этот звук. И мало-помалу звук стал непрерывным, и я понял, что где-то под снегом так поет самый маленький ручеек. Мне так это понравилось, что я пошел, прислушиваясь к другим ручьям, с удивлением узнавая по голосам их разные существа.

ЗАПОЗДАЛЫЙ РУЧЕЙ

В лесу тепло. Зеленеет трава: такая яркая среди серых кустов! Какие тропинки! Какая задумчивость, тишина! Кукушка начала первого мая и теперь осмелела. Бормочет тетерев и на вечерней заре. Звезды, как вербочки, распухают в прозрачных облаках. В темноте белеют березки. Растут сморчки. Осины выбросили червяки свои серые. Весенний ручей запоздал, не успел совсем сбежать и теперь струится по зеленой траве, и в ручей капает сок из поломанной ветки березы.

ВЕСНА ВОДЫ

Снег еще глубок, но так зернист, что даже заяц проваливается до земли и своим брюхом чешет снег наверху.

После дороги птицы перелетают кормиться на поля, на те места, где стало черно.

Все березы на дожде как бы радостно плачут, сверкая летят вниз капли, гаснут в сне-

гу, отчего мало-по-малу снег становится зернистым.

Последние хрустящие остатки льда на дороге—их называют черепками. И то ледяное ложе, по которому бежал поток, тоже размыло и размякло: под водой на этом желтом ложе заяц, перебегая на ту сторону ночью, оставил следы.

РУЧЕЙ И ТРОПИНКА

Вытаяла возле бора тропинка сухая, и рядом с ней шумит ручей: так вдоль опушки по солнцепеку и бегут, уходя вдаль, ручей и тропинка, а за ручьем на северном склоне среди хвойных деревьев лежит сибирский таежный нетронутый снег.

СВЕТЛАЯ КАПЕЛЬ

Солице и ветер. Весенний свет. Синицы и клесты поют брачным голосом. Корка наста от лыжи, как стекло, со звоном разлетается. Мелкий березник на фоне темного бора в лучах солнца становится розовым. Солнечный луч на железной крыше создает нечто вроде горного ледника, из-под которого, как в настоящем леднике, струится вода рекой, и от этого ледник отступает. Все шире и шире темнеет между ледником и краем крыши полоса нагретого железа. Тоненькая струйка с теплой крыши попадает на холодную сосульку, висящую в тени на морозе. От этого вода, коснувшись сосульки, замерзает, и так сосулька утром сверху растет в толщину. Когда солнце, обогнув крышу, заглянуло на сосульку, мороз исчез, и поток

из ледника сбежал по сосульке, стал падать золотыми каплями вниз, и это везде на крышах, и до вечера всюду в городе падали вниз золотые интересные капли.

Далеко еще до вечера стало морозить в тени, и хотя еще на крыше ледник все отступал и ручей струился по сосульке, все-таки некоторые капельки на самом конце ее в тени стали примерзать и чем дальше, тем больше. Сосулька к вечеру стала расти в длину. А на другой день опять солнце, и опять ледник отступает, и сосулька растет утром в толщину, а вечером в длину: каждый день все толще, все длиннее.

ОКЛАДНОЙ ТЕПЛЫЙ ДОЖДЬ

Большие зеленеют почки на липе перед моим окном, и на каждой почке светлая капля, такая же большая, как и почка. От почки к почке вниз по тонкому сучку скатывается капля, сливается с другой возле другой почки и падает на землю. А там выше по коре большого сука, будто река по руслу, бежит невидимо сплошная вода и по малым каплям и веточкам распределяется и заменяет упавшие капли. И так все дерево в каплях, и все дерево капает.

Полтора суток без перерыву лил дождь. Шоссейная дорога стала, как в весеннюю распутицу. Я снял ее и еще снимал тут около дороги крестики молодой сосны с крупными каплями дождя: верх крестика без капель я ставил на небо, а низ, обрамленный крупными каплями, держал на фоне темного леса, чтобы капли на темном светились.

СВЕТ КАПЕЛЕК

Ночью было очень тяжело возвращаться из леса, но никакая усталость не могла победить радостного сознания, что я был сегодня свидетелем начала буйной весны с цветами и пеньем птиц.

В неодетом лесу ранние ивы, как люстры, как грезы, виденья. Сморчки, примулы, анемоны, волчье лыко, освещенье почек, свет капелек на ветвях.

ПЕРЕД ВЕЧЕРОМ

Среди дня от жаркого ветра стало очень тепло, и вечером на тяге определилась новая фаза весны. Почти одновременно зацвела ранняя ива и запел полным голосом певчий дрозд, и заволновалась поверхность прудов от лягушек и наполнился вечерний воздух их разнообразными голосами. Землеройки гонялись перед вечером и в своей стихии в осиновой листве были нам так же недоступны, как рыба в воде.

ВРЕМЯ ПЧЕЛ ВЫСТАВЛЯТЬ

Бывает, остатки бледного истлевающего льда на лугу перекликаются днем с обрывками истлевающего в солнечных лучах бледного месяца.

Большой хищник, вернувшийся с юга, летел мне навстречу и, разглядев, кто я, вдруг круто повернул обратно.

Сороки слышали хруст льда под моими ногами и тревожно отзывались в глубине леса. Но и лед тоже трещал сам по себе, просто

от солнца. Сороки в глубине леса понимали тот и этот треск и тому не отзывались.

Лесные голуби начали гурковать.

Пожалуй, что пора и пчел выставлять.

НАСТ

Опять ясный день с солнечным морозом, и ручьи по колеям на дороге, и жаркий час на сугробах в лесах, заваленных снегом.

Вылез, по брюхо утопая в сугробах, на лесную поляну, где пробегает мой любимый ручей. Нашел обнажение воды из-под снега возле берез и это снимал, как начало весны воды. Ночью мороз был так силен, что наст не везде проваливался, зато уж как провалишься, так здорово достается. Сейчас можно поутру забраться по насту глубоко в лес, и в полдень, когда разотреет, там в лесу и останешься, не вылезешь и будешь ждать ночного мороза, пока он не намостит.

ВЕСЕННЯЯ УБОРКА

Еще несколько дней, какая-нибудь неделя— и весь этот невероятный хлам в лесу природа начнет закрывать цветами, травами, зеленеющими мхами, тонкой молодой порослью. Трогательно смотреть, как природа заботливо убирает два раза в год свой желтый сухой и мертвый костяк: один раз весной она закрывает его от нашего глаза цветами, другой раз осенью— снегом.

Еще цветут орехи и ольха, и их золотые сережки еще и сейчас дымятся от прикосновения птичек, но не в них теперь дело: они живут, но их

время прошло. Сейчас удивляют и господствуют множеством своим и красотой синие цветики звездочкой. Изредка попадаетея. но тоже удивляет волчье лыко.

Лед растаял на лесной дороге, остался навоз, и на этот навоз, как будто чуя его, налетело из еловых и сосновых шишек множество семян.

ОРЕХОВЫЕ ДЫМКИ

Барометр падает, но вместо благодетельного теплого дождя приходит холодный ветер. И все-таки весна продолжает продвигаться. За сегодняшний день позеленели лужайки сначала по краям ручьев, потом по южным склонам берегов, возле дорог и к вечеру зеленело везде на земле. Красивы были волнистые линии пахоты на полях—нарастающее черное с поглощаемой зеленью. Почки на черемухе сегодня превратились в зеленые копыя. Ореховые сережки начали пылить, и под каждой порхающей в орешнике птичкой взлетал дымок.

СЛЕЗЫ РАДОСТИ

Ночью поехали в Териброво, вышли на глухарей в час ночи и под непрерывным дождем проходили в лесу бесплодно до восьми. Ни одна птичка не пикнула. При возвращении увидел осину с набухшими почками,—ту, которая в прошлый раз в темноте на морозе так пахла. А дождь шел до утра.

И встало серое утро, и лес, умытый, в слезах радости или горя,—не поймешь. Но даже через

стены дома слышалась птичка, и через это мы поняли, что не горе, а радость сверкала за окном на ветках березы.

ГРОЗА

К обеду поднялся очень сильный ветер, и в частом осиннике, еще не покрытом листьями, стволики стучали друг о друга, и это было тревожно слушать. Вечером началась гроза довольно сильная. Лада от страха забралась ко мне под кровать. Она вовсе обезумела, и это продолжалось у нее всю ночь, хотя гроза уже и прошла. Только утром в шесть часов я вытащил ее на двор и показал, какая хорошая, свежая утренняя погода. Тогда она быстро пришла в себя.

ОТЦВЕТАЕТ ЧЕРЕМУХА

По лопухам, по крапиве, по всякой зеленой траве рассыпались белые лепестки: отцветает черемуха. Зато расцвела бузина и под нею внизу земляника. Некоторые бутоны ландышей тоже раскрылись, бурые листья осин стали нежно зелеными, взошедший овес зелеными солдатыками расставился по черному полю. В болотах поднялась высоко осока, дала в темную бездну зеленую тень, по черной воде завертелись жучки-вертунки, полетели от одного зеленого острова осоки к другому голубые стрекозы.

Иду белой тропой по крапивной заросли, так сильно пахнет крапивой, что все тело начинает чесаться. С тревожным криком семейные дрозды гонят дальше и дальше от своих гнезд хищную ворону. Все интересно: каждая мелочь

в жизни бесчисленных тварей рассказывает о брачном движении всей жизни на земле.

СУКОВАТОЕ БРЕВНО

Пыльца цветущих растений так засыпала лесную речку, что в ней перестали отражаться береговые высокие деревья и облака. Весенний переход с берега на берег по суковатому бревну висит так высоко, что упадешь и расшибешься.

Никому он не нужен теперь, этот переход, речку можно переходить просто по камешкам. Но белка идет там и во рту несет что-то длинное. Остановится, поработает над этим длинным, может быть, поест—и дальше. В конце перехода я пугнул ее в надежде, что она выронит добычу, и я рассмотрю, что это такое, или, может быть, она вскочит на осину. Белка, испуганная, действительно бросилась вверх по осине вместе с добычей, но не задержалась, а большим полетом с самой верхушки перелетела вместе с добычей на елку и там спряталась в густоте.

ОСИНОВЫЙ ПУХ

Снимал жгутики с осины, распускающие пух. Против ветра, солнца, как пушинки, летели пчелы, не разберешь даже—пух или пчела, семя ли растения летит для прорастания или насекомое летит за добычей.

Так тихо, что за ночь летающий осиновый пух осел на дороги, на заводы, и все это словно снегом покрыто. Вспомнилась осиновая роща, где пух в ней лежал толстым слоем. Мы его подожгли, огонь метнулся по роще, и стало все черным.

Осиновый пух—это большое событие весны. В это время поют соловьи, поют кукушки и иволги. Но тут же поют уже и летние подкрапивнички.

Время вылета осинового пуха меня каждый раз, каждую весну чем-то огорчает: растрата семян тут, кажется, больше даже, чем у рыб во время икрометания, и это подавляет меня и тревожит.

В то время, когда со старых осин летит пух, молодые передеваются из своей коричневой младенческой одежды в зеленую, как деревенские девушки в годовой праздник показываются на гулянье то в одном наряде, то в другом.

В человека вошли все элементы природы, и если он только захочет, то может перекликнуться со всем существующим вне его.

Вот хотя бы эта сломленная, сброшенная ветром ветка осины—до чего же судьба ее нам трогательна: лежа на земле, на дороге, в колеях, выдерживая не один день на себе тяжесть телег, она всё-таки живет, пушится, и ветер отрывает и несет ее семена...

Пашут трактором, а где нельзя—плугом, сеют рядовой сеялкой, а где нельзя—из лукошка по-старинному, и любо смотреть в подробности их выполнения...

После дождя горячее солнце создало в лесу парник с одуряющим ароматом роста и тления: роста березовых почек и молодой травы и тоже ароматного, но по-другому, тления прошлогодних листьев. Старое сено, соломины, мочально-желтые кочки—все порастает зеленой травой. Позеленели и березовые сережки. С осин летят семена—гусеницы и виснут на всем. Вот совсем

недавно торчала высоко прошлогодняя высокая густая метелка белоуса; раскачиваясь, сколько раз, наверное, она спугивала и зайца и птичку. Осиновая гусеница упала на нее и сломила ее навсегда, и новая зеленая трава сделает ее невидимой, но это еще не скоро, еще долго будет старый желтый скелет одеваться, обрататься зеленым телом новой весны.

Третий день уже сеет ветер осинной, а земля без устали требует все больше и больше семян. Поднялся ветерок, и еще больше полетело семян осиновых. Вся земля закрыта осиновыми червяками. Миллионы семян ложатся, и только немного из миллиона прорастет, и все-таки осинник вырастет вначале такой густой, что заяц, встретив его на пути, обежит.

Между маленькими осинками скоро начнется борьба корнями за землю и ветвями за свет. Осинник начинает прореживаться, и когда достигнет высоты роста человека, заяц тут начнет ходить глодать кору. Когда поднимется светолюбивый осиновый лес, под его пологом, прижимаясь робко к осинкам, пойдут теневыносливые елки, мало-по-малу они обгонят осины, задушат своей тенью светолюбивое дерево с вечно трепещущими листьями...

Когда погибнет весь осиновый лес и на его месте завоюет сибирский ветер в еловой тайге, одна осина где-нибудь в стороне на поляне уцелеет, в ней будет много дупел, узлов, дятлы начнут долбить ее, скворцы поселятся в дуплах дятлов, дикие голуби, синичка, белка побывает, куница. И, когда упадет это большое дерево, местные зайцы придут зимой глодать кору, за этими зайцами—лисицы: тут будет звериный

клуб. И так, подобно этой осине, надо пзобразить весь связанный чем-то лесной мир.

Я даже устал смотреть на этот посев: ведь я—человек, и живу в постоянной смене горя и радости. Вот я утомлен, не надо мне этих осин, этой весны, вот мне кажется, даже самое «я» мое растворяется в боли, даже сама боль исчезнет,—нет ничего. Так на старом пне, опустив голову на руки, глаза в землю, сижу я, не обращая никакого внимания, что осиновые гусеницы осыпают меня. Ничего ни плохого, ни хорошего... Существую, как продолжение старого пня, осыпаемого семенами осины.

Но вот я отдохнул, с удивлением из необычно приятного моря спокойствия прихожу в себя, оглядываюсь и опять все замечаю и всему радуюсь.

РАДОСТЬ ПРИЛЕТА

Заметил на полях множество певчих дроздов; они слетали с полей на березы и пели: певчий гомон стоял в лесу. И это было, вероятно, с прилету.

НЕДОВОЛЬНАЯ ЛЯГУШКА

Даже вода взволновалась,—вот до чего разыгрались лягушки. Потом они вышли из воды и разбрелись по земле: вечером было,—что ни шаг, то лягушка.

В эту теплую ночь все лягушки тихонечко урчали и даже те урчали, кто был недоволен судьбой: в такую-то ночь стало хорошо и недо-

вольной лягушке, и она вышла из себя и, как все, заурчала.

ПЕРВЫЙ РАК

Гремел гром и шел дождь, и сквозь дождь лучило солнце и раскидывалась широкая радуга от края до края. В это время распускалась черемуха, и кусты дикой смородины над самой водой позеленели. Тогда из какой-то рачьей печуры высунул голову и шевельнул усом своим первый рак.

ЗВОНКОЕ УТРО

Звонкое радостное утро. Первая настоящая роса. Рыба прыгала. На горе токовали два раздутых петуха, и с ними было шесть тетерок. Один петух обходил всех вокруг, как у оленей ирвас обходит своих важенок. Встретив на пути другого петуха, он отгонял его и опять обходил и опять дрался. Вспыхнули в серых лесах ранние ивы—дерево, на котором цвет, как желтые пуховые цыплята, и пахнет все медом.

СУДЬИ.

На самом закате слышал трель дятла. До самого заката спорили на пойме три дятла—кто сильнее всех даст трель. Журавль ввязался судить и начал кричать, и другие тоже имели свои мнения и начали кричать, и каждый старался громче, и до того дошли судьи, что вовсе забыли о дятлах, которые смолкли перед вечерней зарей. Судьи заняты были только тем, чтобы им друг друга перекричать. Но вот пришел человек, запел, и стало понятным, из-за чего все стараются.

ЗАЯЧЬЯ ШЕРСТЬ

Снег встречается, как великая редкость. Белая, надранная в весенних боях при линьке, заячья шерсть села на темную землю. Так много было зайцев этой зимой, что везде видишь на осиновом сером листовом подстиле клоки белой заячьей шерсти.

Позеленевшая трава кривоколенцем загибалась среди основных стволов по серому осиновому подстилу между длинными желтыми соломинами и метелками белоуса. По этому первому зеленому пути вышел линяющий заяц, еще белый, но в клочьях.

ДВИЖЕНИЕ ВЕСНЫ

После хвойных засеменялись осины, все поляны завалены их гусеницами. Слежу, как зелень пробивается через солому и сено прошлого года. Слежу, как вяжут, вяжут зеленые ковры, больше и больше гудит насекомых.

НЕОДЕТАЯ ВЕСНА

Наша Кубря вышла из Ляхова болота под Переславлем и впадает в Нерль между селами Андриановым и Григоровым. А Нерль впадает в Волгу под Калязиным. Кубря—наша любимая река, к берегам которой с великим трудом мы продвигаем неодетой весной свою машину «Мазай».

Тут Кубря выбежала из-под моста к шоссе и вскоре вспомнила: забыла что-то там, под мостом, — вроде того, как я иногда спохва-

тываюсь, что забыл бумажник,—и вернулась другим следом почти рядом с первым и, не добежав до моста, нашла у себя забытое и опять побежала вперед.

Так по этому лугу она три раза прошла, два следа вперед, один след назад, и от этих поворотов на маленьком лугу возле самого леса вышло шесть берегов, густо поросших ольхой, и в этой путанице образовался тут полуостров с такой маленькой шейкой, что только Мазаю проехать. Рассказывают, что какой-то пьяница однажды так и не мог разобраться в излучинах речки, пошел напролом и утонул.

Мы же, хорошо зная это место, отлично проехали и так близко стали к воде что Мазаю отразился внизу в облаках среди безлиственно цветущих деревьев: сережки золотые ольхи качались над его кузовом, серые червяки осины залезали в окошки и ранняя ива с соцветиями ярко-желтыми, похожими на маленьких цыплят, только что вылупившихся из яйца.

ЦВЕТУТ БЕРЕЗКИ

Когда старые березы цветут и золотистые сережки скрывают от нас наверху уже раскрытые маленькие листы, внизу на молодых везде видишь ярко-зеленые листики величиной в дождевую каплю, но все-таки весь лес еще серый или шоколадный,—вот тогда встречается черемуха и поражает: до чего же листья ее на сером кажутся большими и яркими. Бутоны черемухи уже готовы. Кукушка поет самым сочным голосом. Соловей учится, настраивается. Чортова

теща, и та в это время очаровательна, потому что не поднялась еще со своими колючками, а лежит на земле большой красивой звездой. Изпод черной лесной воды выбиваются и тут же над водой раскрываются ядовито-желтые цветы...

ВЕСЕННИЙ ПЕРЕВОРОТ

Днем на небе были на одной высоте «кошачьи хвосты», на другой—плыл огромный неисчислимый флот кучевых облаков. Мы не могли узнать, что наступает и что проходит: циклон или антициклон.

Вот теперь вечером все и сказалось: именно в этот вечер совершился долгожданный переворот, переход от неодолимой весны к зеленеющей весне.

Случилось это так: мы шли в разведку в диком лесу. Остатки желтых тростников на кочках между елками и березками напоминали нам, какую непроницаемую для солнечных лучей, какую непроходимую глушь представляет собой этот лес летом и осенью. Но глушь эта нам была мила, потому что в лесу теплело, и чувствовалась во всем весна. Вдруг блеснула вода, и мы с большой радостью узнали в этой воде Нерль. Мы пришли прямо на берег и будто попали сразу же в другую страну с теплым климатом: бурно кипела жизнь, пели все болотные птицы, бекасы, дупеля токовали, будто Конек-горбунок скакал в темнеющем воздухе, токовали тетерева, дали сигнал свой трубный почти возле нас журавли; словом, тут было все наше любимое, и даже утки сели против нас на чистую воду. И ни малейшего звука

от человека: ни свистка ни ту-туканья мотора.

В этот час и совершился переворот, и начало все расти и распускаться.

СОЛНЕЧНАЯ ОПУШКА

На рассвете дня и на рассвете года все равно: опушка леса является убежищем жизни.

Солнце встает, и куда только ни попадет луч,—езде все просыпается, а там внизу, в темных глубоких овражных местах, наверное, спят часов до семи.

У края опушки лен с вершок ростом и во льну—хвощ. Что это за диво восточное—хвощ-минарет, в росе, в лучах восходящего солнца!

Когда обсохли хвощи, стрекозы стали сторожками и особенно тени боятся...

ВРЕМЯ

Ячмень сеют, когда молодой скворец головку в окошке показывает.

КРАСНАЯ СТРЕКОЗА

Обмерли на голубом цветке-колокольчике две спаренные красные стрекозы. Я положил их на песок под солнечный горячий луч. И они, оживленные солнцем, возвращенные солнцем к жизни, в первые миги оживания стали каждая думать лишь о себе: только бы освободиться. И разошлись и полетели каждая сама по себе.

КРАСНЫЕ ШИШКИ

Росы холодные и свежий ветер днем умеряют летний жар. И только потому еще можно ходить в лесу, а то бы теперь видимо-невидимо было слепней днем, а по утрам и по вечерам комаров. По-настоящему теперь бы время мчаться обезумевшим от слепней лошадям в поле прямо с повозками.

В свежее солнечное утро иду я в лес полями. Рабочие люди спокойно отдыхают, окутываясь паром своего дыхания. Лесная лужайка вся насыщена росой холодной, насекомые спят, многие цветы еще не раскрывали венчиков. Шевелятся только листья осины, с гладкой верхней стороны листья уже обсохли, на нижней бархатная роса держится мелким бисером.

— Здравствуйте, знакомые елочки, как поживаете, что нового?

И они отвечают, что все благополучно, что за это время молодые красные шишки дошли до половины настоящей величины. Это правда, это можно проверить: старые пустые рядом с молодыми висят на деревьях.

Из еловых пропастей я поднимаюсь к солнечной опушке, по пути в глуши встречается ландыш, он еще сохранил всю свою форму, но слегка пожелтел и больше не пахнет.

ШМЕЛЬ И ЦВЕТОНОЖКА

Какая нежная цветоножка у раковой шейки, как трудно держать ей, как она обременена своим толстым цветком.

А вот когда на эту шейку, и так-то тяжелую,

толстую, усядется огромной тяжести шмель, цветоножка поддастся, наклонится, шмель, встревоженный, рассерженно загудит, начнет опять устраиваться: цветоножка все гнется, он все жундит, пока она догнется до предела, покорится, он же всосется и замолчит.

СТРАДНАЯ ПОРА

У дятлов теперь в лесу совсем мало трелей, не до трелей теперь, когда собственной башкой, как балдой, и собственным носом, как долотом, весь день приходится гнезда долбить.

МОЙ ГРИБ

В грибном лесу одна полянка другой полянке руку подает через кусты, и когда эти кусты переходишь, на полянке тебя встречает твой гриб. Тут искать нечего: твой гриб всегда на тебя смотрит.

АНЮТИНЫ-ГЛАЗКИ

Бабочка, совсем черная, с тонкой белой каймой, сядет и становится, как моль, — треугольником. А то из этих же маленьких бабочек есть голубая, всем очень знакомая. Эта, когда сядет на былинку, то делается как цветок. Пройдешь мимо и за бабочку ни за что не сочтешь, — цветок и цветок: «анютины-глазки».

ИВАН-ЧАЙ

Вот и лето настало, в прохладе лесной благоухала белая, как фарфоровая, ночная

красавица, и у пня стал на солнцепеке во весь свой великолепный рост красавец наших лесов— Иван-чай.

БАЛ НА РЕКЕ

Желтые лилии раскрыты с самого восхода солнца, белые раскрываются часов в десять. Когда все белые распустятся, на реке начинается бал.

СЕНОКОС

В Териброве первым деревенским кузнечиком был парторг: он первый вколотил бабку в пень и стал молотком на этой бабке отбивать свою косу. Так этот звук начался и пошел теперь на все время покоса звенеть соединенно с кузнечиками...

Вот теперь везде в лесах, на полянах понемногу выкашивают, теперь в лесах везде люди, теперь уже в лесу сам с собой не поговоришь. А как этого иногда хочется! Ведь у писателя все, что каждый человек должен держать про себя, составляет главный материал, душу его дела: его «про себя» должно стать всеобщим достоянием. Чем больше писатель, тем в книге его больше этого «про себя»— валюты всей вещи. Вот в лесу именно тем особенно хорошо, что можно упражняться сколько угодно в этих интимных диалогах. Бывает, так ведешь себя с цветком, с бабочкой, с жуком, сердечно беседуешь со шмелем, и если в это время всхрапнет где-нибудь лошадь, то весь вздрогнешь от мысли: нет ли где-нибудь с лошадью и человека, не подслушивает ли он сейчас твою интимную беседу со шмелем.

Теперь в лесах везде косят. Теперь не стоит вступать в интимную беседу с цветами, жуками и пчелами.

ВЕТЕР В ЛЕСУ

Ветрено, прохладно и ясно. В лесу «лес шумит», и через шум слышна яркая летняя песенка подкрапивника.

Лес шумит только вверху, в среднем ярусе, в молодом осиннике только дрожат и чуть слышно постукивают друг о друга нежные круглые листики. Внизу в травах полная тишина, и в ней, слышно, работает шмель.

Вспомнились чудачки Ф.: среди лета бросились дачу искать. Когда выезжают дачники из Москвы, все птицы на яйцах постятся, высиживают своих птенцов.

СУШЬ

Продолжается сушь великая. Речка пересохла совершенно, мостики деревьев, когда-то поваленных водой, остались, и тропинка охотников по уткам сохранилась на берегу, и на песочке свежие следы птиц и зверушек, по старой памяти приходящих сюда за водой. Они, правда, находят воду для питья кое-где в бочажках.

РОЖЬ НАЛИВАЕТ

Рожь наливают. Жара. По вечерам солнце косыми лучами ложится на рожь. Тогда каждая полоска ржи, как перина: это вышло оттого, что воде между полосками было хорошо стекать. Так на перинке со скатами рожь выходит

лучше. В лучах заходящего солнца теперь каждая полоска-перина так пышна, так привлекательна, что самому на каждую хочется лечь и поспать.

ВАРЕНЬЕ

Вернулся в десятом часу на ту холодную спящую лужайку, на которую сегодня пришел ранним утром. В солнечном огне все гудело в цветах, заваривалось, благоухало, как будто все вместе тут общими силами варили варенье.

ГОРЛИНКА

Мирный звук воркующей горлинки свидетельствует в лесу всем живущим: жизнь продолжается.

ЗАКАТ ГОДА

Для всех теперь только начало лета, а у нас закат года: деньки ведь уже убывают, и, если рожь зацвела, значит, по пальцам можно подсчитать, когда ее будут жать.

В косых утренних лучах на опушке ослепительная белизна берез, белее мраморных колонн. Тут, под березами, еще цветет своими необыкновенными цветами крушина, боюсь, что плохо завязалась рябина, а малина сильная и смородина сильная, с большими зелеными ягодами.

С каждым днем теперь все реже и реже слышится в лесу «ку-ку», и все больше и больше нарастает сытое летнее молчание с перекличкой детей и родителей. Как редчайший случай— барабанная трель дятла. Услышишь вблизи, даже вздрогнешь и думаешь: «нет ли кого?»

Нет больше общего зеленого шума, вот и певчий дрозд—поет как хорошо, но поет он один-одинешенек... Может быть, эта песенка теперь и лучше звучит—впереди самое лучшее время, ведь это самое начало лета, через два дня Семик. Но все равно, того чего-то больше уж нет, то прошло, начался закат года.

ОСИНКАМ ХОЛОДНО

В солнечный день осенью на опушке елового леса собрались молодые разноцветные осинки, густо одна к другой, как будто им там в еловом лесу стало холодно и они вышли погреться на опушку как у нас в деревнях люди выходят на солнышко и сидят на завалинках.

ОСЕНЬ

В деревне овинный дух.

На утренней заре весело стучат гуськи—дубовые носки.

Гриб лезет и лезет.

О МУДРОСТИ

Слова мудрости, как осенние листья, падают без всяких усилий.

ОСЕННЯЯ РОСКА

Заосеняло. Мухи стучат в потолок. Воробьи табуняются. Грачи—на убранных полях. Сороки семьями пасутся на дорогах. Роски холодные, серые. Иная росинка в пазухе листа весь день просверкает...

ЛИСТОПАД

Вот из густых елок вышел под березу заяц и остановился, увидя большую поляну. Не посмел прямо итти на ту сторону и пошел кругом всей поляны от березки к березке. Вот он остановился, прислушался... Кто боится чего-то в лесу, то лучше не ходи, пока падают листья и шепчутся. Слушает заяц: все ему кажется, будто кто-то шепчется сзади и крадется. Можно, конечно, и трусливому зайцу набраться храбрости и не оглядываться, но тут бывает другое: ты не побоялся, не поддался обману падающих листьев, а как раз вот тут кто-то воспользовался и тебя сзади под шумок схватил в зубы.

ОСЕНЬ

Ехал сюда—рожь начинала желтеть. Теперь уезжаю обратно—эту рожь люди едят, и новая опять зеленеет. Тогда деревья в лесу сливались в одну зеленую массу, теперь каждое является само собой. И такая уж осень всегда. Она раздевает массу деревьев не сразу, каждому дает немного времени побыть и покрасоваться отдельно.

РОСА

С полей, с лугов, с вод поднялись туманы и растаяли в небесной лазури, но в лесу туманы застряли надолго. Солнце поднимается выше, лучи сквозь лесной туман проникают в глубину чащи, и на них там, в чаще, можно смотреть прямо и даже считать и фотографировать.

Зеленые дорожки в лесу все будто курятся, туман везде поднимается, вода пузырьками садится на листья, на хвоинки елок, на паучинные сети, на телеграфную проволоку. И, по мере того как поднимается солнце и разогревается воздух, капли на телеграфной проволоке начинают сливаться одна с другой и редеть. Наверное, то же самое делается и на деревьях: там тоже сливаются капли.

И когда наконец солнце стало порядочно греть на телеграфной проволоке, большие радужные капли начали падать на землю. И то же самое в лесу хвойном и лиственном—не дождь пошел, а как будто пролились радостные слезы. В особенности трепетно-радостна была осина, когда упавшая сверху одна капля приводила в движение чуткий лист, и так все ниже, все сильнее вся осина, в полном безветрии сверкая, дрожала от падающей капли.

В это время и некоторые высоконастороженные сети пауков пообсохли, и пауки стали подтягивать свои сигнальные нити. Застучал дятел по елке, заклевал дрозд на рябине.

ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

Этот свежий осенний ветер умеет нежно разговаривать с охотником, как сами охотники часто болтают между собой от избытка радостных ожиданий. Можно говорить и можно молчать: разговор и молчанье легкие у охотника. Бывает, охотник оживленно что-то рассказывает, но вдруг мелькнуло что-нибудь в воздухе, охотник посмотрел туда и потом: «А о чем я рассказывал?» Не вспомнилось, и—ничего; можно

что-нибудь другое начать. Так и ветер охотничий осенью постоянно шепчет о чем-то и, не досказав одно, переходит к другому: вот донеслось бормотанье молодого тетерева и перестало, кричат журавли...

НАЧАЛО ОСЕНИ

Сегодня на рассвете одна пышная береза выступила из леса на поляну, как в кринолине, и другая, робкая, худенькая, роняла лист за листком на темную елку. Вслед за этим, пока рассветало больше и больше, разные деревья мне стали показываться по-разному. Это всегда бывает в начале осени, когда после пышного и общего всем лета начинается большая перемена и деревья все по-разному начинают переживать листопад.

Так ведь и у людей: на радости все похожи друг на друга, и только от горя, в борьбе за лучшее все начинают выступать лично. Если смотреть по-человечески, то осенью лес изображает нам рождение личности.

А как же иначе смотреть? Это мелькнувшее сравнение настроило меня очень радостно, и весь я собрался и с родственным вниманием оглянулся вокруг себя. Вот кочка, расчесанная лапками тетеревей. Раньше, бывало, непременно в ямке такой кочки находишь перышко тетерева или глухаря, и если оно рябое, то знаешь, что копалась самка, если черное—петух. Теперь в ямках расчесанных кочек лежат не перышки птиц, а опавшие желтые листики. А то вот старая-престарая сыроежка, огромная, как тарелка, вся красная, и края от

старости завернулись вверх, и в это блюдо налилась вода, и в блюде плавает желтый листик березы.

ВСХОДЫ

Двойное небо, когда облака шли в разные стороны, кончилось дождем на два дня, и дождь кончился ледянистыми облаками. Но солнце засияло поутру, не обращая внимания на этот заговор неба, и я поспешил итти на охоту с камерой. Выходила из-под земли посеянная рожь солдатиками: каждый из этих солдатиков был в красном до самой земли, а штык зеленый, и на каждом штыку висела громадная, в брусничину, капля, сверкавшая на солнце то прямо, как солнце, то радужно, как алмаз. Когда я прикинул к глазу визирку камеры и мне явилась картина войска в красных рубашках с зелеными ружьями и сверкающими у каждого солдатика отдельными солнцами,—восторг мой был безмерный. Не обращая никакого внимания на грязь, я улегся на живот и пробовал на разные лады снять эти всходы.

Нет, оказалось, моими средствами нельзя было снять: ведь красные рубашки солдатиков непременно должны были выйти темными и слиться с землей, а брусничины росы при большой диафрагме выйдут только передние, если же сильно задиафрагмировать и поставить на постоянный фокус, то они выйдут слишком мелкими. Не все возьмешь камерой, но не будь камеры, не лег бы я в грязь и на живот и не заметил бы, что всходящие ржинки похожи на красных солдатиков с зелеными ружьями.

ОСЕННИЙ РАССВЕТ

Есть осенние одуванчики, они много меньше летних, и крепче их, и не по одному сидят на ножке, а часто штук по десяти. Я снимал их. Стрекозы все привесились и уснули. Еще много снимал белое солнце, которое ныряло в облаках, то показываясь, то исчезая.

Никогда не надо упускать случая снимать в лесу резкий луч света. Хорошо бы добиться, чтобы выходила на снимке сказка росы. На фоне бересты снимал плаунки в два и в три рожка, те самые, на которых бывает известная «мучка-пływучка».

И так во все это росистое утро радость прыгала во мне, и не смущала печаль человеческая. Чего мне и вправду смущаться, если так рано, что все горюны еще спят. Когда же они проснутся и загорюют, обсохнет роса, и тогда я еще успею печаль их принять к сердцу. Горюны всего мира, не упрекайте меня!

ПАРАШЮТ

В такой тишине, когда без кузнечиков в траве в своих собственных ушах пели кузнечики, с березы, затертой высокими елями, слетел медленно вниз желтый листик. Он слетел в такой тишине, когда и осиновый листик не шевелился. Казалось, движение листика привлекло внимание всех, и все ели, березы и сосны со всеми листиками, сучками, хвоинками и даже кусты, даже трава под кустами дивились и спрашивали: «Как мог в такой тишине стронуться с места и двигаться листик?» И, пови-

нуясь всеобщей просьбе узнать—сам ли собой сдвинулся листик, я пошел к нему и узнал. Нет, не сам собой сдвинулся листик: это паук, желая спуститься, отяжелил его и сделал своим парашютом: на этом листике опустился небольшой паучишко.

РЯБИНА КРАСНЕЕТ

Утро малоросистое. Вовсе нет паутин на вырубках. Очень тихо. Слышно желну, сойку, дрозда. Рябина очень краснеет, березки начинают желтеть. Над скошенной травой изредка перелетают белые, чуть побольше моли, бабочки.

ЗАВОДЬ

Среди обгорелых от лесного пожара в прошлом году деревьев сохранилась одна небольшая осинка на самом краю высокого яра, против нашей Казенной заводи. Возле этой осинки летом стог поставили, и теперь осенью от времени он стал желтым, а осинка ярко-красной, плающей. Далеко видишь этот стог и осинку и узнаешь нашу заводь, где сомов столько же, сколько в большом городе жителей, где по утрам шелеспер, страшный хищник, выбрасывается на стаю рыбок и так хлещет хвостом по воде, что рыбки перевертываются вверх брюхом, и хищник их поедает.

Мелкой рыбицы (мальков) так много в воде, что от удара весла впереди часто выскакивает наверх целая стайка, будто кто-то ее вверх подбросил. На удочку рыба уже плохо берется,

а сомы по ночам идут на лягушку, только лягушек в этом году по случаю сухмени очень мало, так же мало и пауков, и этими красными осенними днями в лесу вовсе нет паутины.

Несмотря на морозы, на Кубре еще встречаются цветущие лилии, а маленьких мелких цветочков, похожих на землянику, на воде целые поляны, как белые скатерти. Лилии белые лежали на блюдцах зеленых, и грациозные ножки их в чистой воде так глубоко виднелись, что если достать их, смериться, то, пожалуй, нас и двух на них нехватило бы.

ПЕРВЫЙ МОРОЗ

Ночь прошла под большой чистой луной, и к утру лег первый мороз. Все было седое, но лужи не замерзали. Когда явилось солнце и разогрело, то деревья и травы обдались такой сильной росой, такими светящимися узорами глянули из темного леса ветки елей, что на эту отделку нехватило бы алмазов всей нашей земли.

Особенно хороша была сверкающая сверху донизу королева—сосна. Молодой собакой прыгала в груди моей радость.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Осень длится, как узкий путь с крутыми заворотами. То мороз, то дождь, и вдруг снег, как зимой, метель белая с воем, и опять солнце, опять тепло и зеленеет. Вдали, в самом конце, березка стоит с золотыми листиками: как обмерзла, так и осталась, и больше уже ветер

с нее не может сорвать последних листов,—все, что можно было, сорвал.

Самая поздняя осень—это, когда от морозов рябина сморщится и станет, как говорят, «сладкой». В это время самая поздняя осень до того сходится близко с самой ранней весной, что по себе только и узнаешь отличие дня осеннего и весеннего—осенью думается: «Вот переживу эту зиму и еще одной весне обрадуюсь».

Тогда думаешь что и все так в жизни непременно должно быть: надо поморить себя, натрудить, и после того можно и радоваться чему-нибудь. Вспомнилась басня «Стрекоза и муравей» и суровая речь муравья: «Ты все пела—это дело, так поди же попляши». А ранней весной точно в такой же день ждешь радости без всяких заслуг; придет весна, ты оживешь в ней и полетишь, как стрекоза, вовсе не раздумывая о муравье.

БЫСТРИК

Вот полянка, где между двумя ручьями я недавно белые грибы собирал. Теперь она вся белая: каждый пенек накрыт белой скатертью, и даже красная рябина морозом напудрена. Большой и спокойный ручей замерз, а маленький быстрик все еще бьется.

ЗВЕЗДНАЯ ПОРОША

Вчера вечером порошило из ничего, как будто это со звезд падали снежинки и сверкали внизу при электричестве, как звезды. К утру из этого сложилась порошка чрезвычайно нежная: дунь—и нет ее. Но этого было довольно,

чтобы отметился свежий заячий след. Мы поехали и зайцев поднимали.

Сегодня приехал в Москву и сразу узнал: на мостовой лежит та же самая звездная пороша, и такая легкая, что когда сел воробей и потом вскоре поднялся, то от крыльев его взлетела целая туча звездочек, а на мостовой без них осталось далеко заметное темное пятно.

ДЕРЕВЬЯ В ЛЕСУ

Снежная пороша. В лесу очень тихо и так тепло, что только вот не тает. Деревья окружены снегом, ели повесили громадные тяжелые лапы, березы склонились и некоторые даже согнулись макушками до самой земли и стали кружевными арками. Так вот и у деревьев, как у людей: ни одна елка не склонится ни под какой тяжестью, разве что сломится, а береза чуть что—и склоняется. Ель царствует со своей верхней мутовкой, а береза плачет.

В лесной снежной тишине фигуры из снега стали так выразительны, что странно становится: «Отчего, думаешь, они ничего не скажут друг другу, разве только меня заметили и стесняются?» И когда полетел снег, то казалось, будто слышишь шопот снежинок, как разговор между странными фигурами.

КРИСТАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Закончили охоту на зайцев: начались двойные следы, заяц гонялся за зайцем. День весь сверкал кристаллом от зари до зари. Среди дня солнце значительно пригревало, ветерок

покачивал ветки деревьев, и оттого падали фигурки, рассыпались в воздухе пылью, и эта мельчайшая пыль снова взлетала и сверкала на солнце искорками.

Верхняя мутовка высокой ели, как ваза, собирала внутрь себя снег больше, больше, пока наконец этот ком не скрыл в себе даже тот высокий палец ели, на который весенней порой на вечерней заре садится птичка-невеличка и поет свою песенку.

СУМЕРКИ

На ясном небе стрела за стрелой показались кошачьи хвосты, и температура повысилась до минус 15. К вечеру небо закрылось. Закачались от ветра высокие ели, теряя разом все свои подарки. Внизу же под ними—засыпанные снегом елочки, похожие на какие-то безобидные задумчивые существа, смутились.

РОЖДЕНИЕ МЕСЯЦА

Небо чистое. Восход роскошный в тишине. Мороз минус 12. Трубоч по белой тропе гонит одним чутьем.

Весь день в лесу был золотой, а вечером заря горела в полнеба. Это была северная заря, вся малиново-блестящая, как в елочных игрушках бывало, в бомбоньерках с выстрелом, особая прозрачная бумага, через которую посмотришь на свет, и все бывает окрашено в какой-нибудь вишневый цвет. Однако на живом небе было не одно только красное: посредине шла густосиняя стрельчатая полоса, ложась на

красном, как цеппелин, а по краям разные прослойки тончайших оттенков, дополнительных к основным цветам.

Полный расцвет зари продолжался какие-нибудь четверть часа. Молодой месяц стоял против красного на голубом, будто он увидел это в первый раз и удивился.

С Л Е Д Ы   Ч Е Л О В Е К А

МОЙ ДОМ

Люблю следы человека в природе, когда он идет босой ногой между деревьями: след одного, другого, и вот складывается извилистая тропинка на зеленой траве, на мхах и на выступающих корнях деревьев, среди папоротников, между соснами, вниз и по кладочкам через ручей, и опять круто вверх, поднимаясь по корням деревьев, как по лесенке.

Эх, дорогие мои, только вспомнить свою тропинку, есть о чем рассказать: походила, походила моя нога по лесам и по степям и по горам, и дом мой был везде, где мне удавалось хорошо сочинять свои сказки.

МЕД

Кончились майские холода, стало тепло, и зажухла черемуха. Зато наметились бутоны рябины и расцветает сирень. Зацветет рябина, и кончится весна, а когда рябина покраснеет, кончится лето, и тогда осенью мы откроем охоту и до самой зимы будем на охоте встречаться с красными ягодами рябины.

Сказать, какой именно запах у черемухи, невозможно: не с чем сравнить, и не скажешь. В первый раз, когда весной я понюхаю, мне вспоминается детство, мои родные, и я думаю о них, что ведь и они тоже нюхали черемуху и не могли, как и я, сказать, чем она пахнет. И деды, и прадеды, и те, что жили в то время, когда пелась былина о полку Игореве, и много еще раньше, в совсем забытые времена—все была черемуха, и пел соловей, и было множество разных трав, и цветов, и певчих птиц, и связанных с ними разных чувств и переживаний, составляющих наше чувство родины. В запахе одной только черемухи соединяешься со всем прошлым. И вот она отцветает. В последний раз я хочу поднести цветы к себе—в последней и напрасной надежде понять наконец-то, чем все-таки пахнет черемуха. С удивлением чувствую, что цветы пахнут медом. Да, вот я вспомнил, перед самым концом своим, цветы черемухи пахнут не собой, как мы привыкли, а медом, и это говорит мне, что недаром были цветы... Пусть они теперь падают, но зато сколько же собрано меду!

ЛЕСНАЯ ПОЛЯНА

На больших лесных полянах после человека, бывает, остается рябина, смородина, и тоже на густой зеленой траве узнаешь по угольку, по кирпичику, что жил когда-то здесь человек. Когда же уверишься, что действительно жил человек, то как будто в шуме ветра издалека начинают доноситься слова, даже совсем близко шепнут тебе. Тогда вспомнишь своих родных

и умерших друзей, одних пожалеешь, что не дожили и ничего нового не знают, других—кондовых—хорошо, что не дожили!

ЦВЕТЫ

Иван-да-Марья всегда собираются вместе в такую тесноту, что я вспоминаю, глядя на эти цветы, прежних мужиков, как они тогда беззаветно плодились и теснились на своих клочках и по всей необъятной стране вопили: «Земли, земли!»

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Какая трава, какая роса! Расцвела в полную силу черемуха, зацветают вишенки, летит осинный пух. Вот великое переселение лесов, вот пример безжалостной силы числа: сколькомиллионная часть этих пушинок посеется и вырастет.

ВЕСЕННИЙ ХЛАМ

Весенний хлам в лесу до тех пор, пока не закроется зеленью, торчит, кричит, колет глаза, каждый сухой прут как будто выговаривает: вот я, вот я. И так у людей тоже—беспорядочных, хаотичных—никогда почему-то нет времени все в себе прибрать, свой беспорядок они прикрывают широтой взглядов (русский человек особенно ею гордился), а это приводит в конце концов попросту к эгоизму, самому черному.

В наше время это поняли, русской «широте» пришел конец. Вот почему у нас норма куль-

турных ценностей, выраженная словом «образование», есть в то же время и гарантия против старого дикого индивидуализма.

СТАРЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Как хочется жить на земле, где старые деревья видели моего деда и прадеда еще маленькими... Впрочем, хочется видеть эти деревья, но никак не дедов и прадедов—елецких купцов.

АВТОМОБИЛЬ

Бывало, по деревне в шляпе пройдешь, и за одну только шляпу тебя назовут барином. Теперь же в автомобиле приедешь—и только гражданин. Это оттого, что машина в деревне считается вещью государственной и прежде всего подумают, что ты приехал по казенным делам.

Мне случилось однажды приехать на собственной машине, и когда в деревне узнали, что машина собственная и что я сам писатель, то тут же решили: «Ну, значит, подарил Максим Горький».

С автомобилем и всякими благами, в расчете на личное к себе почтение, в деревне можно сильно просчитаться. Люди теперь привыкли к тому, что автомобиль не собственный, а связан с положением.

Я живо помню, как, например, генеральский чин от самого генерала разливался на вещи: генеральский мундир, генеральские туфли, ордена продолжали действовать после смерти генерала на генеральшу и генеральских детей.

Даже теперь, после революции, встречаешь иногда липу в бурьяне, и колхозники говорят: «Тут жил генерал!»

Теперь почитают, конечно, должность, но положения из должности никакого не получается, человек остается таким, как и все. Казалось бы, положение писателя, старого, известного, как мое—иное дело. Но нет! Сегодня сын пошел прописываться к председателю сельсовета, и он сказал, что сегодня ему некогда, а завтра он свободен весь день. «Хочешь,—сказал он,—сам приходи, хочешь—пришли старика». Признаюсь, что «пришли старика» меня чуть-чуть покорило, но, подумав, я улыбнулся и с удовольствием расстался со своим генеральским положением.

КЛЕНЫ

Клены возле фабрики оделись в желтую зелень, такую сильную, что все прохожие думали, глядя на них, о пользе озеленения. Но когда люди уснули, взошла луна и вслед за луной начался опять рассвет, и запели птички на кленах, и заработала смена на огромной фабрике. Началось уличное движение, и к этим кленам подошли школьники: мальчики и девочки. Я подслушал их разговор. Дети негодовали, глядя на клены: в каких дурных условиях живут эти прекрасные деревья.

Оказывается, с их точки зрения, это было не озеленение человеческой жизни, а очеловечивание кленов, и клены, с их точки зрения, были существа, неизмеримо более высокие, чем люди.

ГЕКТОР И АНДРОМАХА

Рано утром на велосипеде я поехал на Вифанский пруд, остановился передохнуть и одуматься на пляже, где в непосредственной близости друг к другу в трусиках и без трусиков купаются загорские мужчины и женщины. Они все знают друг друга и тем самым устраняется необходимость церемониться: знакомство обеспечивает благопристойность; и, конечно, ничего, можно купаться здесь и вовсе без трусиков.

Хорошо иногда побывать в людных местах, когда на них нет никого. Тогда люди не сбивают мысль и в то же время ты не в пустыне: что ни услышишь, на что ни кинешь взгляд, все имеет отношение к людям. Вот на том месте, где вчера еще вечером столько пересидело людей, чтобы раздеться и броситься в воду, в эту ночь слепой крот из своей темной норы выбросил глину, и она сложилась округлым холмиком, как девственная грудь.

Слышна иволга—золотая птица непрерывно поет, это значит—у людей начинает рожь наливать и скоро тоже начнет золотиться. Вот раскрываются желтые лилии, и слышно издали—люди идут купаться. И опять я возвращаюсь к свежему холмику, вырытому кротом на том месте, где сидели вчера, быть может, прелестные девушки. Будь я отец, непременно я обратил бы внимание своего мальчика на этот очаровательный холмик из глины и рассказал бы ему что-нибудь поучительное из жизни кротов и людей...

Голоса приблизились. Показался военный

молодой человек, очень бравый, со своим годовичком на руках. Вот она, новая Россия, новая страна, обновленный народ. Никогда раньше в старой России нельзя было видеть молодого военного с младенцем на руках: младенца раньше всегда тащила бедная женщина. Но мало того, вот рядом с Гектором идет его Андромаха, без всякого стеснения, может быть даже с гордостью, выставляя свой беременный живот.

Здравствуй, племя молодое, незнакомое!

Солнце больше пригревает, после желтых лилий мало-по-малу начинают раскрываться на воде белые. Слышатся молодые женские голоса. Приходят две молодые стройные комсомолки. Что делать? Мне приходится отодвинуться несколько дальше, к мужскому пляжу: они-то не стесняются, но, к сожалению, я воспитан в приличии условного умеренного аскетизма, и с этой точки зрения как-то неловко находиться от купальщиц так близко. Но не могу же я глаз своих оторвать от красавца Гектора, его годовичка, Андромахи, не могу не заметить того, чем гордится эта женщина, не могу оторвать глаз от чистейших прекрасных форм молодых девушек.

Но вот опять мое условное аскетическое воспитание преодолевает, и я отвожу глаза. Нет! От этих форм никуда не уйдешь. В том же свете я вижу холмик из глины, сложенный кротом на месте, где люди купаются. К этой мертвой будто бы глине я присоединяю свое человеческое творчество и, представляя себя отцом, говорю:

— Сын мой, посмотри, полюбуйся на этих

купальщиц, на этот холмик, сложенный за ночь кротом, подумай о том, что даже кроты стремятся создать совершенные формы: храни же ты, человек, чистый взгляд, чтобы обладать совершенной красотой.

ВЗЯТОК

Приходил пчеловод Саня, предложил перевести моих пчел на веранду—теперь уже не замерзнут.

— Мы теперь,—сказал я,—скоро сами будем, как пчелы.

— И доведут!—живо ответил Саня.

Я думал, он в недобром смысле сказал, а он, оказалось, думал о пчеле совсем по-другому.

— Собственность, — сказал Саня, — теперь уже, можно сказать, исчезла. Еще немного, и мы тоже, как пчелы, будем за взятки стоять, не собственность будет нашей целью, а «взятки».

С этим я не мог не согласиться и не пожелать от души, чтобы у людей на первом месте была не собственность, а взятки, то есть личное участие в создании общественного блага.

Между тем в те годы, когда все началось, я не раз содрогался от мысли, что со временем мы будем, как пчелы. Наверное, это происходило от страха перед тем, что заставят для взятки бросить свой талант: я смешивал талант свой с собственностью, и оттого был заодно с собственниками и боялся общественного улья.

ДЕТИ

Коля, мальчик парторга, — с серыми глазами, природный мужчина. Он редко смеется, всегда в нем самостоятельная мысль и стойкость в доведении всякого поручения до конца. Лида, сестра его, когда карие глаза заблестят, то этим весь глаз заполняется, щеки вспыхивают, всегда готова подпрыгнуть, застыдившись, обхватить дерево, спрятать в нем вспыхнувшее лицо. Природная женщина.

САЛО

Вспомнил Зою с подругой — девочками в Москве в голодное время. Вышли они из дому, видят — у ног большой сверток, посмотрели — сало! Сообразили — сало было опущено на веревочке из форточки, и веревка оборвалась. Они взяли сало и решили: если бедные люди — отдать, а если богатые и дурные, то съесть. К сожалению, сало потеряли бедные люди, и пришлось отдать.

КОРОВИЙ ПРАЗДНИК

Маячила мне корова впереди на улице, и странно мне было, что корова прыгает. И догадка явилась: «Уж не выгоняют ли коров, не Егорьев ли день». От мечты своей отдаленной стал приходиться в себя и определяться во времени, и так, мало-по-малу, пришел в себя и убедился, что правильно: по веселой корове узнал, что сегодня действительно чудесный коровий праздник — Егорьев день.

ГЛУБОКИЙ ФОКУС

Солнечный день с легким утренником. Сажусь в машину и еду в Торбеевское охотхозяйство.

Снимал мостик в солнечных лучах: был когда-то настоящий мост, но развалился, остались столбы, и теперь не на все, а только на два перекинули жерди, прибили поручни и ходят. Сняв с этой стороны я перешел по мостику на другую сторону и стал дожидаться человека, чтобы снять мост с человеком и потом сравнить, как же лучше, с человеком или без человека. И вот треснуло в кустах что-то,—идет! Нет, это треснул лед под лучами. И пошло, и пошло стрелять во всех сторонах. А человек с котомкой на спине пришел бесшумно...

Снимал скворцов, поющих везде и всеми голосами.

Снимал чудесные лужи на дороге с оторочками из белых кружев.

Снимал опушки березовые и самые березы—до того белые в лучах утреннего солнца, что эта белизна принималась, как свойство жизни, как цвет лица, как девичий стыд.

Осиновые же опушки не были так ярки, как березовые, зато были они теплее и глубже, на них было множество птиц, бегающих по земле и распевających на деревьях, певчих и всяких дроздов и скворцов. Треск льдинок под моими ногами был далеко слышен птицам, и они не улетали, а только издали вытягивали шеи навстречу мне.

Снимал сережки ольхи над водой, истлевающий лед на дорогах.

Снимал в тени лесных густых, но неодетых

деревьев нагромождение льдин на маленьком ручье. Дно этого ручья было ледяное и от лесной темной воды желтое, и видно, что дно это стало уже мягкое: этой ночью заяц переходил в брод этот ручей, и от его лапок на желтом дне оставались следы.

Еще снимал я освещенный ярко старый очень, морщинистый пень, наверху которого, как на столе, росла елочка. Снимая, и несколько раз, этот пень с елочкой, я ставил глубокий фокус, чтобы вышла и окружающая эту пару (пень и елку) обстановка. Родственное внимание, открывающее мне в лесу такие сюжеты, было в это время тоже на таком глубоком фокусе, что, снимая этот старый пень с молоденькой елкой, я вспомнил старого Грига, как он однажды, вернувшись из горной прогулки, увидел на пороге своего дома маленькую девочку и с тех пор до смерти не расставался с ней и сочинял для нее песенки.

ЧЕЛОВЕК В ЛЕСУ

Смотрел на рыбака, плывущего на лодке в тростниках. Водяные курочки, тростники, вода и отраженные в ней деревья, и весь мир, и все вокруг как бы ставило вопрос, и в этой фигуре плывущего человека всем им был ответ: вот плывет он, о ком вы спрашиваете и ждете, это ваш собственный Разум плывет.

СУДЬЯ НА ОХОТЕ

Мой приятель, народный судья, с вечера отправился в болота на уток и остался там у реки до утреннего обратного перелета птиц

на плеса. С вечера ему удалось только раз выстрелить по крякве, потому что в тишине и сырости дым после выстрела непроницаемым небом лег на плес, и он даже не знал—осталась утка убитой на плесе или же улетела. Вскоре после того густой туман побежал с берегов и закрыл народного судью на всю ночь. Ему этот лежащий на болотах туман был непроницаем; тускло виднелись редкие самые большие звезды, потом на некоторое время все скрылось небесное, как самое солнце нам скрывается в пасмурный день. Ночь лунная и звездная красовалась над этим белым одеялом, плотно покрывшим болота Дубны. Перед самым рассветом, когда холоднее, народный судья озяб и проснулся. Но не сразу решился он подняться, ему думалось, правый бок его лежал на сене, так было ему тепло сравнительно с левым. Он попробовал перевернуться, но в этот момент понял, что лежит в воде правым боком: вода кажется ему теплым сеном сравнительно с холодеющим в предрассветный час воздухом.

В это время по тропинке на холме я шел под звездами к чуть белеющему востоку и думал о судье, закрытом от меня белым одеялом тумана: думал я, что если не случится в этот час перемены, то судье уток не стрелять этим утром. Я не завидовал судье, утиному охотнику, и со всей радостью шел с собакой на дупелиную вышку.

ЗНАКОМЫЙ БЕКАС

Жил у нас под Загорском бекас, до того известный всем, что я однажды в гнезде у него нашел футлярчик от пенсне и догадался сб

охотнике: это, наверное, мой знакомый судья. Встретив его сегодня на улице, я передал ему футлярчик.

ДЕНИС

Денис Алексеев—колхозник; когда приезжаешь к нему, сует мне в автомобиль гуся или пару уток. В этом отношении он чувствует свое превосходство над человеком, имеющим собственный автомобиль: тот должен расходоваться, у того все купленное, а это свое. Этим он, с одной стороны, утверждает свое превосходство натурального хозяина, с другой—это, конечно, подарок, свидетельство вольных, непокупаемых отношений между людьми.

Вот было, Денис однажды привел мне гончую, и я заплатил ему двести рублей. Собака не годилась. Я отвез ему назад, и он мне сказал, что деньги истратил, но скоро продаст гусей и принесет.

— А может быть,—сказал он,—гусями возьмете?

— Можно,—ответил я,—и гусями.

— Хорошо,—сказал он,—я вам представлю гусей.

Прошел год и еще год, и все сроки прошли. Денис гусей не доставил. На третью осень приезжаю к нему на охоту, и, оказывается, злое предчувствие не обмануло меня: Денис помер. И когда я уезжал, старуха его вынесла мне гуся и две курицы и все уговаривала меня взять хоть это, и повторяла на все лады, что покойник строго-настрого наказывал ей долг свой гусями отдать.

Первое мое впечатление от колхозника Ш. было очень хорошее, и разговор был деловой. Но я проговорился, и ему открылось, что я тот самый писатель-охотник, о котором он много наслышался. Тогда он бросил рассказывать о хозяйстве и повел меня к себе показывать охотничье ружье. Он рассказывал много невероятного о своих охотах в Сибири на медведей, потом перешел на рысей, что будто бы на его родине в Усть-Сысольске рыси бросаются на человека—прямо с дерева на горло. А когда я усомнился, то прибавил еще, что у них все охотники для защиты от рысей ходят с железными воротниками. Услыхав этот вздор, я понес свой: что в наших лесах есть муравей, от укуса которого... Я сказал, что для защиты от его укуса надо носить железный футляр на особенно чувствительном месте. На этот мой рассказ он прибавил свой, что будто, когда к медведю подходишь, то сердце столь сильно бьется, что в лесу слышно эхо.

— Неужели же вы сами слышали эхо своего сердца?

— У меня самого от медведя сердце не бьется—себя не слышно, и я не трус, но у товарищей слышу постоянно: так в лесу и перекатывается...

ЩУКА

Мы ехали по реке, поровнялись с молодым человеком в белом картузе; он был чрезвычайно взволнован, бормотал сам с собой, ругался. И когда мы с воды спросили берег «в чем дело?..»—

молодой человек очень обрадовался и все рассказал: на рогатку ему попалась большая щука и он ее почти вытянул, но вдруг леска оборвалась, и щука исчезла в воде. Что же делать,—простился: это бывает со всеми... Но вот радость: эта щука всплывает брюхом вверх, и ветерок медленно гонит ее к берегу. Дождался, схватил, а она как хватит, вырвалась, и вот уже час прошел, больше не показывается.

— Вы как же ее схватили?—спросил Петя.

— Обеими руками за брюхо.

— Ну вот, щук, что ли, вам никогда не приходилось держать: надо было пальцами впиться в глаза.

— Знаю, что в глаза, да ведь она была мертвая, она плыла брюхом вверх.

— Мало ли что плыла, с ними надо ухо остро держать, бдительность нужна, товарищ.

Но рыбаку было не до шуток; вспомнив, наверное, как глушили рыбу ручными гранатами, он ответил с ожесточением: «Бомбами их, чертей, надо глушить!»

МАСТЕРСКАЯ ДЯТЛА

ЛОДОЧКА

Золотая сеть солнечных зайчиков на речном перекате. Темносиние стрекозы в тростинках и елочках хвоща. И у каждой стрекозы есть своя хвощевая елочка или тростинка, слетит с нее и опять возвращается домой на свой хвощ.

Очумелые, млявые вороны вывели и теперь отдыхают.

Листик, самый маленький, на паутине спустился к реке и вот крутится, вот крутится!

Так и еду на своей лодочке вниз по реке и думаю о природе; мне природа теперь — некое неведомое в своем начале. Данное, из которого очень недавно вышел и сам человек и начал свое создавать из этого Данного, — создавать вторую природу.

ДВЕ РАДОСТИ

Мы так радуемся грибу, когда его находим, что, кажется, и он с нами радуется. То вырос гриб сам в лесу, и мы так его находим в свой праздничный день, а то вырастает гриб шам-

пиньон, нами посеянный в подвале и выхоженный. Там—радуешься тому, что само выросло и досталось нам даром, здесь—радуемся тому, что сами вырастили. Там гриб сам, здесь—мы сами.

Гриб растет только до того времени, пока его не найдут: после этого он делается предметом потребления. Так точно и писатель растет... Одну книгу возьмут, и опять из той же подземной грибницы, пользуясь теплым дождиком, надо расти, пока не придет и не откроет тебя потребитель и не срежет тебя под корешок. В молчании под сенью листьев и хвой совершается творчество.

МАСТЕРСКАЯ ДЯТЛА

Мы бродили весной в лесу и наблюдали жизнь дупляных птиц, дятлов, сов. Вдруг в той стороне, где у нас раньше было намечено интересное дерево, мы услышали звук пилы. То была, как нам говорили, заготовка дров из сухостойного леса для одного стекольного завода. Мы побоялись за наше дерево, поспешили на звук пилы, но было поздно. Вокруг пня срезанной осины лежало множество пустых еловых шишек: это все дятел ошелушил за долгую зиму, собирал, носил на эту осину, закладывал между двумя сучками и долбил. Осина эта была мастерской дятла.

Два старика, единоличники, только и занимались тем, что круглый год пилили лес. И вид у стариков был, как у старых грешников, осужденных на вечную заготовку дров.

— Вы вроде дятла,—сказали мы им и указали на шишки его мастерской.

— Это вам за грехи, старые проказники,—и мы указали им на срезанную осинку.

— Вам велено резать сухостойные деревья, а вы что сделали?

— Дятел дырки наделал,—ответили грешники,—мы поглядели и, конечно, спилили.

Стали все вместе осматривать дерево. Оно было совсем свежее, и только на небольшом пространстве,—не было метра в длину,—внутри ствола прошел червяк. Дятел, очевидно, выслушал осину, как доктор, понял пустоту, оставляемую червем, и приступил к операции извлечения червя. Пока он долбил свою дырку, червяк прошел выше: дятел ошибся. И третий раз и четвертый... Нетолстый ствол осины походил на свирель с клапанами: семь дырок сделал хирург-дятел и только на восьмой захватил червяка, вытащил и спас осину. Мы вырезали этот кусок, как замечательный экспонат для музея.

— Видите,—сказали мы старикам,—это лесной доктор, он спас осину.

Старики подивились. Один из них даже нам подмигнул и сказал:

— Так и у нас в нашей работе, может быть, тоже не одни пустые шишки.

Я же все перевел на себя, как писателя, и подумал: «И у меня тоже не одни пустые слова».

СТИЛЬ

Друг мой, из мирообъемлющей страсти рождается стиль художника, и только это имея

и зная в себе, учись сдерживать ее и выговаривать осторожно, и так родится твой стиль художника из личной твоей всепожирающей потребности, а не из простой выучки мастерству.

МЕЖДУ ДЕЛОМ

По насыпи женщины шли за дровами в лес, а другие уже несли хворост. Женщины устали, но где-то и для них был май и все прекрасное, только не говорили они о мае. «Моя печка все принимает,—говорила одна женщина другой,— в моей печке все горит».

Нет, не осенью по слякоти несли женщины дрова, а в мае среди начинающих зеленеть деревьев и первых цветов, и они были рады маю. Но если бы они могли заглянуть внутрь меня, идущего в будний день наслаждаться маем, больше!—посвятившего жизнь этому чему-то, что у всех между прочим... просто сказка. Вот оно что значит сказка: это то, что показывается нам «между делом».

ВЕЧНОЕ ПЕРО

Можно сделаться большим художником, имея вовсе даже небольшой талант. Для этого в написанном надо уметь находить вечные строки (в том смысле, как говорят «вечное перо»). По этим удавшимся вечным строкам надо строить новое произведение, искать в новом, что удалось. Так, восходя все больше и больше, надо насыщать свои произведения «вечными» строчками, вечно стремясь к совершеннейшему. И, работая всю жизнь, как я указываю, можно

чувствовать себя довольно уверенным. Большинство же работают неуверенно, исходя из таланта, пишут, «как бог дал». Они очень скоро исписываются, мелькнув в обществе «королями сезона»—«бог дал, бог и взял».

РОДСТВЕННОЕ ВНИМАНИЕ

Чтобы описать дерево, скалу, реку, мотылька на цветке или в корнях дерева живущую землеройку, нужна жизнь человека, и не для сравнения и очеловечения дерева, камня или животного нужна жизнь человека, а как внутренняя сила движения, как мотор в автомобиле. Нужно самому автору в таланте своем дожить до того, чтобы все это до крайности далекое стало близким и возможным для человеческого понимания.

УТРАТА

Я шел сегодня с тем утренним восторгом в душе, который ищет себе предмета для воплощения и обыкновенно быстро находит в чем-нибудь: может быть, сарыч тяжело и неохотно слетит с влажного дерева, может быть, наградят тебя ели обилием урожая светлозеленых своих шишек, может быть, заметишь—красный тугой грибок лезет, оглянешься—там другой, третий, и по всей поляне все грибы и грибы...

Я бросился на грибы, собрал их и дальше пошел, не отводя глаз от земли. Я был теперь связан определенной целью исканья грибов, я был весь целиком этим поглощен и больше не мог ничего открывать в природе.

МЫСЛЬ

Сегодня мороз небольшой, корки не было, и мы, утомленные, только к восьми часам вернулись с гона. Когда измученное тело начинает отдыхать, то мысли приходят в голову все радостные. Мысль тогда понимаешь, как явление отдыха тела. И это объясняет, почему мои книги имеют успех в санаториях.

Запомнить, что зимой на рассвете ели бывают совсем черные в снегу.

ЧУВСТВО СВЯЗИ

Серая Сова говорит, что из чувства связи со всем миром каким-то образом выходит самоограничение. Это хорошо, я это очень знаю, только называл то же самое смирением. В этом самом ограничении в свете чувства целого зарождается страстная любовь к жизни, а из любви к жизни потребность родственного внимания.

МЕЛЬНИЦА ДОН-КИХОТА

Когда я читаю о рыцаре печального образа, как он с копьем наперевес мчится к мельнице, я всегда вхожу в положение мельницы: ведь это случайность, каприз автора пустить ее в ход как раз в то время, когда мчался на нее Дон-Кихот. Если бы дело происходило в безветренный день, то ведь очень возможно, что рыцарь проломал бы ей крылья и лишил бы на некоторое время население возможности обмолотить свое зерно.

Я вхожу в положение мирной, беззащитной, всем необходимой мельницы.

В ТРЕТЬЯКОВКЕ

Утро—яркое, после обеда—жара. Смотрел еще раз Левитана и узнавал в его пейзаже без человека самого Левитана: клáди в лесу через ручей и нет человека, и в то же время чувствуешь, что как бы прозрачной невидимой тенью проходит по этим кладям человек, и этот человек есть сам Левитан. Близко мне, но сумрачно и односторонне, нехватает радости: чтобы виден был человек вне себя от радости, с бесконечно расширенной душой.

СКАЗКА

Сказка—это момент устойчивости в равновесии духа и тела. Сказка—это связь с проходящим и уходящим. Я обдумываю сказку о строительстве Беломорского канала и смотрю на Каменный мост. Его заканчивают, и теперь ясно видно, что всякое строительство, здание ли это, в котором будут жить, мост ли, по которому будут ходить,—есть поглощение будущим настоящего, и эпоха усиленного строительства в истории есть создание будущего. Мое дело в строительстве—писать свою сказку. Смотрю на строителей моста и обещаю эту весну мобилизоваться: да не будет у меня места ни в деревне, ни в городе, мое место там, где созируется моя сказка.

МОЙ СТОЛ

Стол мой запущен, он похож на лес: контуры рисуют умственного работника, а в деталях хаос, ничего не понять никому, кроме самого

хозяина. Так выходит в лесу ежик, перебирает листву: он все знает. И так я за своим столом.

СЛОВО И СЕМЯ

На опушке разговорился с пахущим колхозником о том, что как неправильно в природе устроено: сколько надо выбросить даром семян, чтобы вышел осинник.

— Впрочем, и у людей так же бывает,—сказал я.—Взять хотя бы нас писателей: сколько слов пропадает, пока из одного что-нибудь вырастает.

— Значит,—заклучил мои слова колхозник,—если даже писатели сеют пустыми словами, можно ли спрашивать нам с осины?

МЕТЕЛЬ

Бывает в душе как будто метель, мысли летят, летят, и никак ни одну не поймаешь, и в то же время нет ни малейшей тоски, и вся эта метель мыслей в душе совершается как бы при солнечном свете. Из этого внутреннего мира, где никак теперь невозможно поймать мысль, чтобы ею заняться, я выглядываю наконец в мир внешний и вижу, что там тоже при полном солнечном свете по серебряному насту тоже перебегают струйки поземки-метелицы.

Необычно прекрасным кажется мир, когда он соответственно продолжает и бесконечно расширяет и усиливает мир внутренний. Я узнаю сейчас весну света по теням: дорога моя примята санями, правая сторона ее—голубая

ть, левая—ярко-серебряная. Сам же идешь по санному углублению, и кажется тебе, что так можешь идти бесконечно.

РАСШИРЕНИЕ ДУШИ

В прикосновении с чем-нибудь новым, невиданным душа ширится, и кажется, ты смотришь на все первым глазом, и вот этим я в свое время широко пользовался: ездил в новые невиданные края и схватывал и питался. «Корень жизни» написан мною исключительно по первому глазу и потому удался.

В этой способности захватывать в себя мир при помощи первого глаза есть предел емкости: после трех месяцев всасывания в себя чего-то нового у меня способность эта прекращается и смотреть ни на что больше вовсе не хочется. Потому-то вначале так боишься пропускать даром минуты: ты знаешь, что время ограничено, задержат тебя попустому—и ты навсегда пропустишь.

Мне однажды привелось пробыть на Кавказе больше трех месяцев, ежедневно принимая в себя большую дозу сильных впечатлений, и после того плыть три дня по морю. И вот до чего я был перегружен впечатлениями, что за три дня езды при совершенном безветрии от всего Черного моря сохранился во мне какой-то не очень большой голубой круг.

ЛИЧНОЕ

Если я занимаюсь дома в часы отдыха каким-нибудь любительством: собака там есть у меня

любимая, или птица, или там что-нибудь есть — маленький коврик, который я каждое утро прячу под матрас, а вечером на ночь расстилаю с любовью для своей босой ноги у кровати, и множество всего другого интимно-личного, как у всех, в том числе, конечно, разные мечтанья, желанья, почти беспредметные, — так вот, если люблю все это, ценю, невольюно придаю какое-то всему этому живому личному особенное значение, то как вдруг все это унижится, и, мало того, стыдно станет за все, когда это личное, бесполезное вдруг предстанет перед глазами общества. И пусть перед этим объективным глазом все мое личное явится, как никому не нужный хлам плюшкин-ской кладовой, — не в этом дело, а страшно, что ты сам заражаешься этим общим судом, и тебе самому становится стыдно, что ты в такое время занимаешься подобной ерундой. Первый росток личности всегда находится под угрозой: росток еще не окреп.

Так вот, сколько раз, прочитав злобную заметку о своих книгах, проникался я этим самоуничижающим чувством к своей плюшкинской литературной кладовой и сколько раз восстанавливался во всем том своем хозяйстве, когда друзья подавали свой голос за мой хлам.

ДОВЕРИЕ К СЕБЕ

Мало-по-малу определяется, что не так уж очень надо гоняться за материалами: довольно взглянуть, и можно писать. Я это понимаю, как рост доверия к себе самому. Много изучают и проверяют себя при научной работе,

но в искусстве самое главное—доверие к себе, к своему первому взгляду. Только надо помнить всегда, что эта простота восприятия и это доверие к себе обретаются сложнейшим трудом.

КЛАД ЧЕЛОВЕКА

Из черноты омутов овражских, сырых, темно-подвальных этажей леса через ольху, повитую хмелем, и крапиву выбираешься наверх к цветущему лугу с бабочками, обставленному громадными сверкающими волнами древесных кущ. Тогда знаешь наверняка, всем своим существом понимаешь вокруг, какие это огромные несобранные богатства, перед которыми ничто все догадки о кладах Ивановой ночи. Напротив, случайно вспомнив о кладах, поражаешься бедности и какой-то изменности человеческого воображения. Вот они—без всякой чертовщины прямо перед тобой лежат несобранные человеком богатства. Не под землей они где-нибудь, а тут вот прямо перед тобой лежат: поди и возьми! Обрадованный, стоишь перед ними и дивишься человеку, не протянувшему еще руки к этим подлинным богатствам, к этому истинному счастью. Сказать бы, открыть, но как скажешь, чтобы тебе не ответили славой, не уничтожили бы всего счастья, привисав его личным особенностям.

СВОЯ МЫСЛЬ

К скольким тысячам вопросов служит ключом это значение, что в творчестве работает только своя мысль, и она одна определяет

основную силу творчества. И как это вышло, что я только на 65-м году жизни своей об этом наконец-то догадался. Это значит, однако, что душа моя и теперь продолжает жить и развиваться. Знать-то, конечно, знаешь, но мысль тогда лишь годится для творчества, когда она своя мысль, а своей она становится, когда делается душевной мыслью. Пусть мысль миллионы раз высказывалась, но когда она является как душевная мысль, она всегда бывает новая мысль: это своего рода личное ее возрождение. Вот поймать этот поток личного возрождения мысли и значит—вступить на творческий путь. Это чудесное и случилось со мной, когда я впервые взялся за перо.

ПРЕДКИ

Счастье старости состоит в том постоянном обогащении, когда думаешь о прошлом: люди встают мертвые, и одни тут же ложатся в могилу свою, другие впервые только и показываются в своем настоящем значении, становятся понятными.

У стены темных елей багряные осины и темные золотые березки сами собой расположились в тот особенный порядок, как часто располагаются скалы в горах, облака, а также пятна времени на обоях в комнате и особенно волнистые линии вокруг сучков, на деревянных стенах, о которых говорил еще Леонардо. Фигуры, возникающие в облаках, в скалах, в лесах, в комнатах из пятен и сучков, часто дают нам образы давно умерших полузабытых людей. Месяц в облаках был однажды в таком соче-

танни, что показалось лицо моего двоюродного брата, и так выразительно, что я в первый раз в жизни своей понял истинный смысл этого умершего человека.

ГОЛОД ЧЕЛОВЕКА

Красотой природы насыщаешься, как пищей: тебе дано столько-то вместить и больше не можешь. Но если ты сумеешь это выразить, то рано или поздно придет человек другой и на твое прибавит свое, а после другого третий дальше, дальше: человек в красоте ненасытим.

ВЫХОД НА ВОЛЮ

Все серое, дорога рыжая, на окнах первые слезы весны. Я вышел из дому, и, как только вступил в лес, душа моя расширилась, и я вышел в большой мир.

Глядя на огромное дерево, я думал о малейшем корешке его под землей, об этом почти волоске с головкой, укрытой чехликом, пробивающем себе извилистый путь в почве в поисках пищи. Да, вот именно это чувство какого-то огромного целого, в котором ты определяешь сейчас назначение твоего личного корешка, и есть именно то, что я почувствовал в лесу, когда вошел в него и обрадовался. И радость моя была похожа совсем на радость при восходе солнца.

Но какое же это трепетное чувство! Сколько раз я пытался проследить его возникновение и овладеть им навсегда, как ключами счастья, и так и не мог. Знаю, что это расширение души

происходит после какого-нибудь стеснения, как результат неясной мучительной борьбы с пошлостью; я знаю, что мои книги являются свидетельством многих одержанных мною побед, но я вовсе не уверен в том, что, когда явится какое-нибудь последнее стеснение, вроде какого-нибудь рака желудка, я выйду на волю и в этой великой борьбе.

Знаю еще, что когда является этот выход на волю, то необычайно усиливается родственное внимание. Так вот я, радостно сливаясь сейчас со всей жизнью, в то же время не упускаю из виду одну маленькую движущуюся впереди меня черную головку на белом снегу. Дорога, по которой я иду, наезжена розвальнями: внизу рыжее корыто, выбитое копытами, края корыта плоские, белые, твердые,—это широко вытерто грядками розвальней, и по этим краям хорошо идти. Так я иду по такой боковинке и знаю, что за извилиной дороги по рыжему корыту от меня птица бежит, ее голова мне видна на фоне белой стороны дороги, и по голове я догадываюсь, что птица эта—очень красивая, с голубыми крыльями—сойка. Когда выпрямилась дорога, я увидел, что рядом с сойкой бежали от меня красный снегирь и два поползня.

ОБРАЗ

Почему это равняется настоящему открытию, если даже общеизвестную мысль, о чем люди говорят повседневно, удастся высказать образами? Не потому ли это бывает иногда, что люди, повторяя мысль, утрачивают смысл

ее и вновь узнают, когда мысль является в образе?

КРАСОТА

Красота есть свидетельство личности. И даже в безличной красоте природы, если разобраться, видна творческая личность. Одни люди, пораженные красотой ландшафта, вспоминают художника, создавшего такую картину: «Левитан, настоящий Левитан!» Другие сами впервые узнали красоту ландшафта и тем самым создают его.

В свое время мы боролись с эстетизмом, потому что интерес к красоте отнимал всякий вкус к революционной морали. Декаденты взвились было против этой морали, как боги, но это был только эксцесс: сейчас же они были остановлены революцией. Между тем личное право служить красоте существует как свидетельство личности, и доказать его можно лишь путем творчества.

ОБРАЗЫ НАШИХ УТРАТ

Я думаю об искусстве, что оно всегда дает нам образы наших личных утрат,—как же иначе? Непременно я должен полюбить что-то, расстаться, оборвать брачный полет и залечивать боль образами утраченного. Все поэты потому также начинают петь о природе, что утрачивают природное богатство, свойственное всем. Ведь мы, люди, миллионы лет двугаясь вперед, теряли способность плавать, летать или сидеть, как листики на черенках, прикрепленные к могучему стволу дерева, или

ползать по тонким стеблям растений, качаясь от ветра, кружиться в воздухе семенным пушком, пылить воздух спорами,—мы были всем и многое утеряли такое хорошее, что очень хотелось бы опять иметь. И только потому, что мы в родстве со всем миром, восстанавливаем мы силою родственного внимания общую связь и открываем свое же личное в людях другого образа жизни, даже в животных, даже в растениях, даже и в камнях.

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ТРОН

В художественной вещи красота красотой, но сила ее заключается в правде: может быть бессильная красота (эстетизм), но правда бессильная не бывает.

Были люди сильные и смелые, и великие артисты были, и великие художники, но суть русского человека—не в красоте, не в силе, а в правде. Если же весь даже люд, вся видимость пропитается ложью, то для основного человека культуры это не будет основой, и он знает, что эта ложь есть дело врага, и непременно пройдет.

Не в красоте, а только в правде великие художники черпали силу для своих великих произведений, и это наивно-младенческое преклонение перед правдой, бесконечное смирение художника перед величию правды создало в нашей литературе наш реализм; да, в этом и есть сущность нашего реализма: это подвижническое смирение художника перед правдой.

СЛУЖБА СВОБОД

В состав свободы входит способность служить: я служу свободе, а не потребляю ее, и моя служба приходит к накоплению моей свободы, в том смысле, что если я захочу чего-нибудь, то и могу достать. И так точно жил скупой рыцарь, только у него в сундуках было золото, а у меня в моих папках слова.

ИГРА

Никакими полезностями не интересуюсь, но ценности собираю, и они через меня становятся полезными для других. Тешит именно то, что только через меня, собирающего их вполне бескорыстно, они становятся полезными, что я, вовсе не думая о пользе себе, и другим собираю, и только через мою игру они становятся полезными людям. Значит, есть путь на земле жить, играя.

ПИСАТЕЛЬ — ЖИВОПИСЦУ

До полудня из «кошачьих хвостов» светило солнце. После обеда теплый мелкий дождик-парун. Так чудесно это все складывается для урожая. До обеда снимал возле Глинкова маленькую речку в черемухе еще в полном цвету; снимал папоротники с загнутыми колечком верхушками, мать-мачеху, группы желтых цветов в реке. Поедом ели меня комары, но тут же пели соловьи прямо над ухом, горлинки ворковали, иволги перекликались, надрывались лесные голуби. Не только снимал, но

даже и записывал в книжечку, потому что мне было хорошо, и линии моего опыта в жизни иногда сходились, и от этого рождалась мысль.

Но так же точно работает и живописец над своими этюдами,—не было бы ничего удивительного видеть живописца, работающего в бо-лоте. Почему же на писателя в этом положении странно смотреть? Вероятно, потому, что писа-тель в общем понимании есть благополучный художник и живет в кабинете.

ЛЮФТ

Смотрю, как один казах режет барана, а дру-гой казах (акын) поет стихи о том же, о том, что казах режет горло барану. Я никак не могу себе представить, чтобы акын одновременно и резал барана и пел. По-моему, для того, чтобы петь о баране, у поэта должна быть еще какая-то пусто-та, вроде как «люфт» в рулевом рычаге машины.

Освобождающая от прямого действия, пу-стота непременно входит в состав души поэта, все равно как на мельничном колесе непре-менно должны быть пустые ящики, в которые льется вода. Льется чужая жизнь в пустоты поэтического колеса и тут принимается, как своя собственная, и этот миг пребывания чужого в своем порождает не менее полезное действие, чем тоже очень кратковременное наполнение пустой ячейки турбины

МОЯ ОХОТА

Некоторые приписывают мой хороший вид питанью и воздуху: «Вы прекрасно выглядите,

наверное, по своему обыкновению, в лесу живете. Как охота?» Я всегда вежливо отвечаю, что лес и охота самые лучшие условия для здоровья... Мой лес! Моя охота! Если бы только побывали они в болотных комариных лесах, часами бы погуляли под песни слепней! И тоже—охота моя! Внешней обыкновенной охотой я скрываю, оправдываю в глазах всех мою внутреннюю охоту. Я охотник за своей собственной душой, которую нахожу, узнаю то в еловых молодых шишках, то в белке, то в папоротнике, на который через лесное окошко упал солнечный луч, то на поляне, сплошь покрытой цветами. Можно ли за этим охотиться? Можно ли кому-нибудь об этом прямо сказать? Прямо никто не поймет, конечно, но когда имеешь цель: убить куропатку, тогда под предлогом куропатки можно описывать и охоту свою за той прекрасной душой человека, которая частью приходится и на меня.

И вид мой хороший («прекрасно выглядите») происходит не от воздуха болотных лесов и не от питания: оно самое обыкновенное. Я надеждой живу и радостью своих находок, и я имею возможность этим питаться, потому что более или менее хорошо подготовился на тот случай, если на вопрос мой кукушке о том, сколько мне жить, она, не докончив свое «ку-ку», ответит мне «кук», и улетит.

ЦВЕТСОЗИДАЮЩАЯ СИЛА

Отдыхая в машине, гляжу на лес, засыпанный снегом, расцвеченный лучами заходящего солнца, и мне возвращается старая душевная

мысль о том, что удержать эту красоту можно только красками и что тут в красках все дело. И мне вспомнилось одно подслушанное определение: пространство—это цветосозидающая сила...

ПИСАНОЕ СЛОВО

Сегодня с базара по дороге ехал муж с женой. Муж остановил лошадь, передал вожжи женщине и отошел за нуждой.

Какой-то озорник, поровнявшись с подводой, вдруг вздумал хлопнуть женщину по голове. Она закричала караул. Муж, услышав, подбежал, выхватил из кармана бутылку с керосином и хлопнул ею по голове пешехода. Тот бросился в драку. Долго бились они — ничья не берет; остановились, одумались и пошли к председателю колхоза, а женщина осталась на дороге с лошадью. Когда председатель, выспросив, написал протокол и прочел его драчунам, им написанное очень не понравилось, они выхватили бумагу, изорвали, и потом вернувшись к лошади, с хохотом и по-приятельски покатали дальше.

Я, узнав о событии, конечно, пожалел председателя, потому что сам постоянно пишу и знаю, очень понимаю, в какое бешенство приводит иногда людей их же собственная жизнь, только записанная и представленная сознанию.

БОЛЬШЕ ТРЕХ

Один в лесу или вдвоем, или втроем, а когда на охоте нас больше трех, то это так много,

и тогда можно быть опять как один. Вот почему город—убежище не только коллективного, но всего личного, творческого.

ЛИЧНОСТЬ

Вот один цветок, вот другой—такие разные, а корни их схожи, и земля, которую каждый из них представляет по-своему,—эта земля одна. Таковы творческие личности людей, каждая личность является представителем всех. Но к этому необходимо еще дать определение личности. Есть «я» индивидуальное, я—в рознице: «я не такой, как вы». И есть я—личное, я как особенный в своем роде представитель всех людей и всего мира. Это я является нам в творчестве связи между людьми (культура). Индивидуальное «я» ограничивается своей «гениальностью» в лучшем случае, а большей частью одни упрекают другого за длину его носа или чем-нибудь в этом роде.

Толстой прав, когда, судя ужасное поведение жены своей, перед смертью отказывается объяснить болезнью ее (как обыкновенно делают). Ведь потому именно и ненавидел он врачей, что в поисках причины они систематически игнорировали личность человека с его нравственным миром. Литератор критик Замошкин мне рассказывал: когда во время операции врачи думали, что он кончается, он знал, что будет жив. «Хотя бы меня спросили,—говорил Замошкин,—а то ведь не спрашивали меня и говорят кому-то в дверь: «еще жив».

БОРЬБА ЗА ПРЯМУЮ

Перед окном моим весь еще не залитый круг луга ровно покрыт проталинами, лужицами и белыми снежными кружками, и все эти пятна, белые, синие и желтые, рассекает белая полоска, уходящая вдаль. Невозможна в природе такая прямая полоска, увидишь—и сразу догадаешься, что это зимняя тропа человека. Но вот и на небе вижу—такая же ровная прямая разделяет одни облака от других. Смотришь на такую прямую почти суеверно: только человек бы мог провести, но какой же там в облаках человек!

И вдруг из-за облаков на синее выплывает самолет, и все становится понятным: эту прямую на небе оставил за собой человек. Так на земле и на небе идет борьба за прямую.

ВОДЯНАЯ КРЫСА

Это было в апреле на пойме, где разлив затопил леса. Кустиками над водой торчали верхушки деревьев. Я подъехал к ним на челноке, и тут на одной ветке в лучах вечернего солнца сидела водяная крыса. Она потеряла свою родину, и это событие в ее личной крысиной судьбе было не общее крысиное, а чисто личное: для спасения своего она не могла применить общий крысиный опыт, как делают все крысы и как делала она сама всю жизнь и только этим жила, и опыта этого ей было довольно. Теперь она стала, как человек, и должна была для своего спасенья придумать что-то свое личное. Она плыла, наверное, издалека и до

того была утомлена, что не бросалась в воду, даже когда я стал в упор смотреть на нее. В лучах заходящего солнца лоб ее округлялся, как у человека, и что-то прекрасное человеческое было в ее глазах, обыкновенно черных, теперь кровавого цвета в луче заходящего солнца. Прекрасным был мне отблеск разума в крысиной судьбе, и я думал: вот и тут человек есть в этой крысе, и везде он может быть. И тихо, боясь нарушить покой отдыхающей водяной крысы, я стал отодвигать назад свой челн.

ВРАГ

Слышу, треплется где-то какой-то мотор, но я в мыслях своих так далек от моторов, что не различаю—от самолета это звук или от форда, или пришел он через окно какой-нибудь фабрики, слышу—треплется звук, а спроси—и не скажу. Так и с людьми бывает: видишь, знаешь, лицо знакомое и весь знаком, а имя не вспомнишь: треплется какой-то человек. И какой это ужас: он подходит к тебе, улыбается, разговаривает, как очень близкий человек, и ты с ним тоже улыбаешься, шутишь. Но вдруг он побледнел: он понял. И я побледнел: вижу всего насквозь, а не могу назвать. «Да вы просто не узнаете меня,—говорит он жестким голосом». И тут—о, счастье!—я вспомнил. «А если узнали, то назовите»,—требуется он. И я спокойно говорю: «Какой вы странный, и как вас-то мне и не узнать». Так один раз я спасся, а был один случай: я не узнал, он же догадался, что я его не узнал. И стал моим врагом.

ЕЩЕ ВРАГ

Ходил в баню. Показалось, будто П. вошел и сел около меня. Я не стал на него смотреть, а то, боюсь, будет меня ругать за сына. Ухожу, а он за мной. Сажусь у крана. Он садится возле. Долго моемся рядом. Неловко. Встаю и тихонечко удираю в другую комнату.

«Ну,—думаю,—отделался, враг за мной не пойдет».

Не тут-то было: враг идет вслед за мной с шайкой, мочалкой и мылом. И опять рядом садится. «Ну,—думаю,—наверное, теперь он меня бить будет». На всякий случай переставил шайку к правой руке, чтобы схватить ее во-время, крепко взял ее за ушки и решил, наконец решил: поднял глаза на врага и замер... Враг оказался не П., и настолько не враг, что попросил меня потереть ему спину.

Так вот сколько бывает случаев возникновения страха и неприязни к человеку только из-за того, что не хочешь глаз поднять и посмотреть на него.

Сколько раз так бывало со мной: собрался врага шайкой хватить, а вместо этого намыливаешь мочалку и трешь ему спину.

ЧИТАТЕЛИ

Вечером девушки наши привезли мне из Москвы покрышки для машины. На электричке их хотели оштрафовать и стали составлять протокол. Но какой-то военный («весь осыпанный ромбами»), услышав, что шины для Пришвина, вдруг вскочил и стал говорить, что

Пришвина—писателя он читал и готов ручаться за него, и если надо—заплатить штраф. Тогда и кондуктор, составлявший протокол, остановился и пробормотал: «Я, кажется, тоже что-то читал» и, обещая сейчас вернуться, вышел и больше не возвращался.

АНТЕЙ

Есть тайны кельи отшельника, которые они все огулом относят к искушениям «дьявола». Такие же тайны есть и у всякого настоящего писателя. Одна из этих тайн—это, что я лучше всех. Другая состоит в унижительных обидах: там-то не упомянули, там обошли... От этих ночных келейных мыслей чувствуешь себя деревом с гнилой сердцевиной. А когда явится утренняя бодрость, открываешь окно, слышишь бормотание тетеревов, клики скворцов, видишь напряженные соком шоколадные ветки берез, серые гусеницы зацветающих осин, то, напротив, чувствуешь себя победителем всего в себе мелкого и по себе понимаешь, почему возрождался Антей, прикасаясь к земле.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
----------------------------	---

ФАЦЕЛИЯ

Поэма

<i>Пустыня</i>	7
<i>Росстань</i>	17
<i>Радость</i>	35

ЛЕСНАЯ КАПЕЛЬ

Записки

<i>Дерево</i>	61
<i>Вода</i>	71
<i>Лесные гости</i>	76
<i>Времена года</i>	111
<i>Следы человека</i>	148
<i>Мастерская дятла</i>	163

Ответ. редактор *Н. Замошкин.*

А 426. Подписана к печати 18/VIII 1943 г. Печатных листов 57/8. Уч.-изд. л.6, 57. Колич. печ. знаков в листе 40 500. Заказ 206. Тираж 10 000 экз. Цена 3 руб.

16-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный, 9.

3 руб.